

Аксель Панцер

ПОД ЧЁРНЫМ КРЕСТОМ

— Книга I —

КОГДА КРЕСТ СТАЛ МЕЧОМ

— Исторический роман —

Аксель Панцер

**Под черным крестом. Книга
Первая. Когда крест стал мечом**

«Автор»

2026

Панцер А.

Под черным крестом. Книга Первая. Когда крест стал мечом /
А. Панцер — «Автор», 2026

Они начинали с того, что спасали раненых под стенами Акры. Через полвека их чёрный крест уже стоял над крепостями, городами и землями, которые ещё недавно им не принадлежали. «Когда крест стал мечом» — первая книга исторического цикла «Под чёрным крестом» о рождении Тевтонского ордена. Герман фон Зальца ведёт братство между папой и императором, крестовыми походами и большой европейской политикой. Пруссия, Ливония, Рим, Иерусалим, договоры, войны и решения, каждое из которых кажется необходимым. Но постепенно Орден меняется: госпиталь становится военным братством, братство — властью, а власть начинает жить дольше своих создателей. Это роман о том, как благие намерения, вера, страх и расчёт шаг за шагом создают силу, которую однажды уже невозможно просто остановить.

© Панцер А., 2026

© Автор, 2026

Под черным крестом. Книга Первая. Когда крест стал мечом

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
БРАТЬЯ ГОСПИТАЛЯ
1190–1209

ПРОЛОГ **ПАРУСА ПОД АКРОЙ**

Летом 1190 года море за спиной лагеря казалось почти издевательством. Оно было синее, тяжёлое от света, спокойное на горизонте — и совершенно бесполезное для людей, лежавших в грязи между шатрами, рвами и наскоро сколоченными изгородями. Под Акрой воняло потом, нечистотами, гниющей пищей и сладковатым запахом ран. Осаждённый город стоял впереди за стенами, а вокруг него, словно второй город, только бесформенный и больной, разросся лагерь крестоносцев. Сибранд научился определять тяжёлых ещё до того, как видел рану. По тому, как человека несли. По тишине вокруг него. Тот, кто кричал, обычно ещё имел силы бояться. Хуже были те, кого приносили молча. В тот день двое немецких купцов из Бремена привели к нему молодого человека с жаром. Раны не было. Оттого положение казалось ещё страшнее: кожа горячая, губы потрескались, дыхание частое, взгляд не держался ни на одном лице. В стороне под солнцем лежали ещё трое таких же.

— Здесь нельзя, — сказал Сибранд. — Нужна тень.

— Где её взять? — спросил один из купцов.

Сибранд посмотрел на море. У берега стояли корабли, и на одном уже снимали запасные паруса. Решение не выглядело историческим. Никто не произнёс речи. Никто не обещал создать братство, орден или учреждение, которое переживёт их всех. Люди просто натянули корабельное полотно на шесты. Потом второе. Под них перенесли заболевших. Нашли бочки. Разделили воду. Купцы из Любека и Бремена привезли ещё ткань, посуду, деревянные лежанки. Кто-то сказал, что немцам нужен свой госпиталь, потому что больной, не понимающий ни слова лекаря, боится вдвойне. Сибранд не возражал. Он давно понял, что язык тоже может быть лекарством, если человек слышит знакомую речь в тот момент, когда думает, что умирает среди чужих.

Помощников не хватало. Среди них оказался худой мальчишка лет четырнадцати-пятнадцати, Гернот из Любека, прибывший с торговыми людьми. Первые дни он бегал с водой и боялся крови. Потом перестал бояться крови и начал бояться пустых бочек.

— В этой осталось меньше половины, — сообщил он однажды.

— Значит, принеси ещё.

— Где?

Сибранд поднял глаза. Вот в этом и заключалась вся их жизнь: правильный вопрос всегда приходил после простого приказа. Воду стали охранять. Еду записывать. Ткань выдавать не по просьбе, а по необходимости. Появились дежурства. Затем люди, которые возвращались на следующий день не потому, что их позвали, а потому что считали это своим делом.

Одним из них был Генрих, бывший рыцарь из Швабии. Он почти не рассказывал о себе. Сибранд знал только, что Генрих воевал, потерял кого-то в Германии и теперь гораздо терпеливее обращался с ранеными, чем с живыми и здоровыми рыцарями. У него был меч, хорошая лошадь и привычка смотреть на любую дорогу как на место возможной засады. Другим был Конрад, священник с ранней сединой. Он исповедовал умирающих, помогал там, где не хва-

тало рук, и обладал редкой способностью не превращать любую беду в проповедь. Госпиталь рос не потому, что кто-то хотел роста. Просто больных становилось больше.

К вечеру того же дня в лагерь донесло запах дыма от осадных работ и кухни одновременно. На соседнем участке французы спорили из-за места под шатры, дальше немецкие рыцари ругались с людьми, привезшими опоздавшие припасы, а между этими островками чужих языков госпиталь под парусами постепенно становился местом, где немецкая речь звучала тише всего. Здесь не командовали строем и не обсуждали честь. Здесь спрашивали, где болит, сколько человек пил, когда начался жар. Один старик из Рейнской области, едва слышавший, успокоился только после того, как Конрад наклонился к нему и повторил молитву на понятном ему наречии. Сибранд тогда впервые подумал, что их отдельность от других госпиталей имеет смысл не потому, что немецкая кровь требует особого ухода, а потому, что страх уменьшается, когда рядом человек, способный понять последнее слово.

Постепенно вокруг полотен возникла простейшая география. С одного края держали тех, кому требовался постоянный присмотр; ближе к выходу — тех, кто мог ходить. В тени за навесом кипятили воду, если было чем топить. Отдельно складывали загрязнённую ткань, чтобы не путать с чистой. Всё это появлялось не из медицинской теории, а из ежедневных ошибок. Однажды грязные повязки положили рядом с новым полотном и пришлось выбросить часть запаса. После этого Гернот собственноручно перенёс сундук на другой конец. Через два дня уже все считали новое место естественным. Так рождался порядок: вчерашняя неприятность становилась сегодняшней привычкой.

Сибранд замечал и другое. Люди, помогавшие сначала несколько часов, всё чаще возвращались без просьбы. Кто-то приносил хлеб, кто-то — свечи, кто-то просто садился рядом с умирающим, которому уже нельзя было помочь. В таком месте быстро выяснялось, что милосердие редко выглядит величественно. Оно пахнет потом, мокрой соломой, уксусом и плохо вымытой посудой. Оно устает, раздражается, иногда ругается. И всё же на следующий день приходит снова.

Сначала лежали только немцы. Потом принесли человека, говорившего по-французски. Его спутники объяснили, что места больше нигде нет. Сибранд посмотрел на него, на свободный угол под парусом и сказал:

— Кладите.

На следующий день оказался итальянец. Потом человек, чью речь никто из них не понимал. Сибранд уже не спрашивал. Война за Святую землю очень быстро научила простому: кровь людей различается хуже, чем их языки. К осени у парусного госпиталя появилось имя, хотя произносили его по-разному. Немецкий дом. Немецкий госпиталь. Братья госпиталя. Последнее слово сначала казалось Сибранду слишком большим. Сибранд спросил Конрада, можно ли вообще называть их братьями, пока всё держится на личном выборе и обстоятельствах. Тот ответил, что братство начинается с людей, которые остаются, когда остальные уходят. Это ещё не было правилом, но уже становилось привычкой, из которой правило могло вырасти.

Сибранд посмотрел на него раздражённо, но запомнил. Вечером ветер тянул полотнища над головами больных. На них ещё оставался запах соли. Парус, созданный для того, чтобы вести корабль через море, теперь закрывал от солнца людей, которые, возможно, уже никогда не увидят никакого берега.

За несколько дней до этого в лагере прошёл сильный дождь. Земля превратилась в вязкую грязь, вода затекала под лежанки, один из шестов упал, и часть навеса пришлось держать руками, пока Генрих из Швабии и ещё двое натягивали новую верёвку. Больных переносили с места на место почти в темноте. Наутро Сибранд ожидал увидеть разорение, но увидел другое: люди уже знали, что делать. Гернот собирал сухую ткань, Конрад проверял тяжёлых, купцы искали доски. Никто не ждал распоряжения одного человека. Именно после этой ночи слово

«братство» впервые перестало казаться Сибранду преувеличением. Братство было не торжественным обещанием, а состоянием, когда человек просыпается среди бедствия и не спрашивает, обязан ли он помогать. Он просто знает своё место в общем усилии.

Никто в тот вечер не знал, что спустя века чёрный крест станет известнее этих старых полотнищ. Пока у братства не было креста. Не было меча, принадлежавшего общине. Не было земли. Не было магистра в том смысле, который появится позднее. Был только парус. И человек под ним, которому требовалась вода.

ГЛАВА 1

ПАРУСА

Утро начиналось не с молитвы. С мёртвых. Их старались вынести до жары. Ночью некоторые умирали тихо, и только на рассвете дежурный замечал, что человек больше не просит пить. Тела переносили в сторону, освобождали лежанки, меняли ткань, если была чем менять, и только потом Конрад служил короткую молитву для тех, кто мог слушать. Сибранд давно перестал считать это кошунством. Бог, если видел лагерь под Акрой, едва ли требовал, чтобы порядок слов был важнее живых.

За несколько месяцев парусный госпиталь изменился. Полотна натянули крепче, вокруг них появились деревянные перегородки, ящики с запасами и небольшое место, где держали документы и деньги. Купцы из Бремена и Любека продолжали помогать, но некоторые уже собирались домой. Их корабли должны были уйти, а больные — остаться. Именно тогда впервые возник вопрос, который раньше никого не занимал: кому принадлежит то, что они создали?

Один из купцов сказал:

— Парус мой.

— Забирай, — ответил Сибранд.

Мужчина посмотрел на лежащих под ним людей. Сибранд попытался уточнить, что речь не о собственности как таковой, но Конрад довёл мысль до конца: пожертвованное принадлежит госпиталю — а сам госпиталь уже нельзя свести к одному человеку. Именно эта безличность начинала отличать учреждение от временной группы помощников. Разговор закончился тем, что купец махнул рукой и оставил полотно. Но вопрос не исчез. Почти одновременно потребовалась первая запись имущества. Гернот принёс дощечку и начал перечислять: бочки, котлы, ткань, инструменты, две повозки, несколько лошадей. Генрих из Швабии добавил оружие тех, кто постоянно сопровождал воду и припасы.

Сибранд напомнил, что оружие сопровождающих остаётся их личной собственностью. Генрих возразил: оно уже используется ради госпиталя, и граница между личной вещью и службой дому постепенно размывается. Сибранд не стал спорить дальше; слово «пока» всё чаще появлялось там, где прежняя ясность начинала исчезать. Сибранд посмотрел на него.

— Вы с Конрадом договорились использовать это слово?

Генрих не понял, и Сибранд не стал объяснять. Нападения на дороге происходили всё чаще. Не всегда можно было понять, кто нападал: настоящие разбойники, дезертиры, люди одной из армий, решившие добыть себе пропитание, или просто те, кому казалось, что в военное время право принадлежит вооружённому. Госпиталь нуждался в воде, зерне, ткани и травах, а значит, должен был посылать людей за пределы своего маленького безопасного круга.

Вопрос воды особенно быстро показал, что даже самое мирное дело вынуждает думать о безопасности. Бочки привозили из места, где собирались обозы, и дорога до лагеря не была длинной, но на ней постоянно возникали драки. Люди, измученные жарой и болезнями, легко превращались в толпу, если видели воду и считали, что её от них скрывают. Однажды повозку остановили собственные крестоносцы. Никто не собирался грабить госпиталь; просто каждый хотел наполнить свой сосуд первым. Возница испугался, лошадь рванула, одна бочка упала и раскололась. Полдня Сибранд смотрел, как больным дают воду по половине обычной кружки.

На следующий выезд Генрих из Швабии поехал сам и взял ещё одного вооружённого человека. Мечи не понадобились. Достаточно было того, что двое спокойно стояли рядом с телегой и объясняли, кому предназначена вода. Этот случай произвёл на Сибранда большее впечатление, чем нападение настоящих разбойников. Сила могла действовать не ударом, а видимой готовностью не позволить беспорядку начаться. Он не любил эту мысль, но запомнил её.

Тогда же в доме впервые попытались разделить дежурства не по принципу «кто ещё держится на ногах». Конрад составил простой список: ночь, утро, день. Сибранд возмутился, что жизнь не подчиняется доске с именами, однако через неделю сам спрашивал, кто должен прийти на смену. В отсутствие порядка сильнее всего просто работали до изнеможения, а затем выпадали из дела целиком. Порядок оказался нужен не только для того, чтобы требовать работу, но и чтобы не истощать людей до бесполезности.

Генрих предложил сделать вооружённое сопровождение постоянным: по двое на каждую поездку. Сибранд возразил привычным напоминанием, что они прежде всего лечат, но Генрих сухо ответил, что мёртвый возница не привезёт ни воды, ни лекарств. Спор быстро упёрся не в саму защиту — её необходимость Сибранд уже признавал, — а в другое: не станет ли случайная мера незаметно постоянной обязанностью. Это было трудно объяснить человеку, который видел, как безоружная телега превращается в добычу. В конце концов Сибранд согласился на двоих. Генрих лишь заметил: «Сегодня — двое». Сибранд услышал скрытое продолжение и промолчал. В течение дня привезли ещё семерых. Один с раздробленной рукой. Другой с глубокой раной бедра. Трое с лихорадкой. Гернот почти не выходил из-под навесов. Когда к вечеру он сел на пустой ящик, Сибранд заметил, что мальчишка дрожит.

Перед этим ему пришлось впервые помочь при тяжёлой перевязке. Он держал лампу, потом воду, потом руку раненого, который пытался вырваться от боли. Когда всё закончилось, Гернот вышел наружу и долго стоял спиной к госпиталю. Сибранд не позвал сразу. Он знал: если каждый раз тащить человека обратно к работе до того, как тот успел испугаться собственного ужаса, однажды он просто перестанет чувствовать.

Такие минуты постепенно меняли мальчишку сильнее любых наставлений. Через несколько месяцев он всё ещё боялся смерти, но уже не убегал от неё глазами. И всё чаще замечал то, что старшие пропускали: заканчивается вода, порвалась ткань, человек дважды не получил еду. Сибранд начал поручать ему не только бегать, но и следить. Ответственность выросла раньше возраста.

Сибранд спросил, не болен ли он. Гернот отрицательно мотнул головой и показал ладони, на которых засохла кровь: сегодня умер человек, которому он держал воду. Сибранд сел рядом. Он не стал утешать обещанием, будто к смерти можно привыкнуть без потери чего-то важного. Сказал лишь, что такое ещё повторится и знание об этом не должно облегчать следующую смерть. Гернот поднял на него глаза. «Когда начнёт облегчать — уходи отсюда», — тихо добавил Сибранд. Мальчик долго молчал, потом кивнул. Вечером пришёл спор о пище. Один рыцарь потребовал лучшую еду для своего оруженосца, потому что тот «человек благородного дома». Сибранд отказал. Рыцарь повысил голос. Генрих из Швабии уже стоял рядом, но Сибранд остановил его жестом.

Сибранд спокойно объяснил рыцарю, что здесь кормят по состоянию больного, а не по родословной. Тот попытался назвать имя отца оруженосца, но Сибранд остановил его: знать происхождение пациента ему не требовалось. Рыцарь ушёл разъярённый, а через час прислал деньги. Пожертвование Сибранд принял без колебаний. На усмешку Конрада он ответил, что деньги, в отличие от дарителя, не требуют для себя отдельной каши.

Через несколько дней выяснилось, что список дежурств защищает не только больных. Ночью Гернот разбудил Сибранда: один из помощников, человек лет тридцати, который три дня подряд оставался дольше своей смены, упал возле бочек. Жара, усталость, почти пустой

желудок. Он не был ранен и не заболел той лихорадкой, которой все боялись, — просто довёл себя до состояния, когда уже не мог стоять. Самое неприятное заключалось в том, что окружающие считали его усердие примером. Никто не сказал уйти отдыхать, потому что каждый видел: рук не хватает.

Сибранд сидел возле него до рассвета и сердился. Сначала на человека. Потом на себя. В госпитале слишком легко было превратить жертвенность в обязанность, а обязанность — в соревнование, кто дольше не признается, что устал. Утром он потребовал, чтобы смена заканчивалась не тогда, когда брат сам решит, что больше не может, а когда приходит следующий. Если следующий не пришёл — искать его, а не молча оставаться ещё на полдня. Генрих из Швабии усмехнулся: впервые Сибранд вводит правило, заставляющее человека не работать.

— Именно, — ответил тот. — Мёртвый от усердия помогает не лучше мёртвого от лени.

Правило сразу оказалось неудобным. Один брат возмущался, что его уводят от тяжёлого больного именно тогда, когда тот начал говорить. Другой не хотел отдавать перевязку человеку, которому не доверял. Пришлось объяснять: смена не означает безразличия, а передача дела требует рассказать, что уже сделано. Так возле лежанок появились короткие устные отчёты. Кто пил. У кого жар усилился. Кто спал. Кто просил священника. Через несколько недель Гернот начал записывать тяжёлых отдельно, потому что память ночного брата не всегда доживала до утра без ошибок.

Однажды Сибранд обнаружил, что правило нарушает он сам. После полуночи Конрад застал его у постели человека с раной живота. Смена закончилась давно.

— Иди спать.

— Он может умереть.

— Да.

— Тогда останусь.

Конрад сел рядом.

— Значит, правило для молодых?

Сибранд посмотрел на него с неприязнью, потом на больного. Через минуту позвал сменщика и передал всё, что знал. Уходя, чувствовал себя почти предателем. Утром человек был жив. Через день умер. Сибранд понял неприятную вещь: его присутствие не всегда является тем, что удерживает другого человека в мире. Иногда община становится настоящей именно тогда, когда дело не прекращается после того, как один человек лёг спать.

Так постепенно появлялись правила, хотя никто ещё не называл их уставом. Не брать плату за место у больного. Не отдавать пожертвованное одному человеку без записи. Не позволять родственникам умершего забирать то, что тот явно передал госпиталю. Не держать оружие рядом с больными. Не пускать пьяных. Не различать нуждающихся по языку, если есть место. Правила были не плодом мудрости. Каждое рождалось после конкретной неприятности. Сибранд всё чаще думал, что устройство любой общины — это память о случаях, которые никто не хочет пережить второй раз. Ночью ветер усилился. Один из шестов расшатался, и Генрих с Гернотом полезли поправлять растяжки. Сибранд держал фонарь.

Генрих предложил на следующий день поставить ещё два кола: ветер менялся, и то, что выдержало сегодня, могло рухнуть завтра. Сибранд хотел возразить, что навес пока держится, но остановился. Ответ уже содержался в самом слове «пока». Сибранд покачал головой. Всё начиналось именно так.

Сегодня два кола. Завтра четыре. Сегодня два вооружённых сопровождающих. А потом кто-нибудь наверняка объяснит, почему их должно быть четверо.

ГЛАВА 2

ПОД ЗАЩИТОЙ РИМА

Весть пришла в феврале 1191 года, когда Акра ещё не была взята. Это обстоятельство позднее путали даже те, кто жил совсем недолго после событий. Человеческой памяти нравятся

удобные последовательности: сначала победа, потом дом, затем признание. На деле всё произошло иначе. Братство получило защиту Рима, когда его стены всё ещё состояли из дерева, веревок и корабельного полотна. Посланник приехал к полудню. Усталый, запыханный, раздражённый долгой дорогой. Конрад первым увидел печать.

— Из Рима.

Сибранд не оторвался от перевязки.

— Рим далеко. Рана ближе.

— Сибранд.

Что-то в голосе заставило его поднять голову. Документ развернули вечером, когда работа немного стихла. Гернот стоял у двери, хотя никто его не приглашал. Генрих из Швабии держался сзади. Несколько купцов, благодаря которым вообще появилась община, пришли услышать текст. Папа Климент Третий принимал немецкую госпитальную общину под защиту Апостольского престола. Дата была ясной: шестое февраля 1191 года. Конрад перевёл смысл. Сначала никто не произнёс ничего значительного.

Потом Гернот спросил:

— Папа знает нас?

Кто-то засмеялся. Мальчик не смутился.

— Я серьёзно. Он видел госпиталь?

— Нет, — ответил Конрад.

— Тогда как может защищать?

Сибранд посмотрел на печать. Хороший вопрос. Рим не видел их грязи, пустых бочек, лихорадки, ссор из-за полотна. Но именно расстояние и делало папское слово сильным. Люди, которые могли спорить с Сибрандом или купцом из Бремена, гораздо осторожнее спорили с тем, над чем висела печать главы Церкви.

Сама грамота выглядела слишком спокойно для того значения, которое ей приписывали. Пергамент, строки, печать на шнуре. Сибранд несколько раз ловил себя на желании сравнить эту вещь с больным человеком, которого они только что несли втроём. Бумага весила меньше, но могла действовать дальше и дольше любого из них. Климент Третий находился далеко от Акры; он не знал Гернота, не слышал, как ночью кашляют люди под парусами, и всё же его решение становилось частью их повседневности.

Конрад объяснил братьям, что папская защита не означает освобождения от всех чужих властей и не превращает братство в маленькое государство. Но она подтверждает, что община имеет церковно признанное существование, имущество и право продолжать служение. Для купцов из Бремена и Любека это было особенно важно. Их первоначальное дело переставало зависеть от того, останутся ли они сами в Святой земле. То, что началось с добровольной помощи, получало форму, способную пережить учредителей.

Сибранд заметил неожиданный психологический эффект. После чтения грамоты некоторые помощники стали вести себя увереннее, будто папская печать сама по себе сделала их работу важнее. Он пресёк это без церемоний. Больному, сказал он, совершенно безразлично, кто признал госпиталь, если ему забыли принести воду. Право может защитить дело снаружи, но не выполнит его изнутри. Польза обнаружилась почти сразу. Через несколько дней родственник умершего рыцаря потребовал вернуть коня, подаренного госпиталю. Сибранд помнил человека. Тот, уже понимая, что не выживет, велел отдать животное общине. Гернот записал. Были свидетели.

Родственник всё равно настаивал:

— Он не мог распоряжаться семейным имуществом.

— Распорядился, — сказал Сибранд.

— Вы просто забрали.

Генрих из Швабии стоял у входа. Раньше спор легко мог перейти в угрозы. На этот раз Конрад принёс документ и спокойно объяснил положение братства. Папская защита не решала вопрос собственности автоматически. Но она меняла сам характер конфликта. Перед родственником стояли уже не несколько людей под парусами, которых можно разогнать угрозой. Существовала признанная церковью община, способная хранить имущество и защищать своё право. Мужчина ушёл, пообещав жаловаться.

Сибранд сказал:

— Пусть.

Через месяц никто не пришёл за конём. После этого записи стали вести тщательнее. Папская защита давала право, но право без памяти быстро превращается в спор. Гернот начал отмечать не только вещь, но и дарителя, свидетелей, назначение дара. Появилась и обратная проблема. Люди стали отдавать больше. Один купец передал значительную сумму без указания, на что потратить. Сибранд хотел использовать часть на лекарства. Другой брат — на ремонт повозки. Генрих из Швабии просил купить ещё одну лошадь для сопровождения. Спор длился почти весь вечер.

В конце Конрад сказал:

— Мы получили право владеть. Значит, теперь нужно научиться не присваивать решение одному человеку.

Установили: крупные расходы обсуждать несколькими старшим братьям. Не потому, что каждый из них мудр. Потому что ошибка одного слишком легко становится общей тратой. Сибранд почувствовал, что вместе с защитой Рима они получили не только привилегию, но и новую тяжесть. Теперь нельзя было объяснить беспорядок временным характером лагеря. Если братство признают как нечто существующее, оно обязано вести себя так, будто собирается существовать завтра. Акра всё ещё стояла за стенами. В лагере продолжали умирать. В феврале никто не знал, сколько ещё продлится осада. Папская грамота лежала в сундуке, защищённая тканью от сырости, а над больными хлопали те же паруса. Весной лагерь наполнился новыми слухами. Ждали королей. Говорили о прибытии больших сил с Запада. В мае и июне море стало приносить корабли, людей, оружие и надежду. Филипп Французский. Ричард Английский. С именами приходила уверенность, будто город уже почти взят.

Сибранд не доверял уверенности до тех пор, пока стены стоят. Летом жара стала тяжёлой. Госпиталь работал почти без остановки. Гернот уже умел распределять воду, не спрашивая каждый раз. Генрих увеличил число сопровождения для некоторых поездок, и Сибранд не спорил, если угроза была реальной. Он постепенно учился отличать принцип от упрямства.

Прибытие войск Филиппа и Ричарда изменило осадный лагерь прежде всего количеством. В гавани и на берегу стало теснее, обозы растянулись, появилось больше денег и временно больше больных. Люди говорили о скором падении Акры с такой уверенностью, будто стены уже исчезли. Сибранд не позволял себе этого настроения. Он видел слишком много человека, который утром строил планы, а вечером лежал с жаром.

В один из дней возле госпиталя прошла колонна хорошо вооружённых людей, и Гернот выбежал посмотреть. Вернувшись, рассказывал о знамёнах и королевских рыцарях. Сибранд слушал и заметил, как легко юность очаровывается видимым величием. Он не стал высмеивать. Только спросил, сколько воды осталось к ночи. Гернот сразу вернулся к бочкам. Это и было их место внутри великого похода: пока другие обсуждают, кто возьмёт город, кто-то должен знать, сколько воды нужно тем, кто не доживёт до победы.

Однажды вечером Конрад сказал:

— Если город падёт, нам придётся решать, что делать дальше.

Сибранд посмотрел на полотнище над головой. До этого госпиталь существовал внутри осады. Временная нужда оправдывала всё: людей, деньги, паруса, лошадей, правила. Если Акра

будет взята, исчезнет лагерь, породивший их. Тогда впервые придётся ответить не на вопрос, как выжить сегодня. А зачем существовать после победы.

ГЛАВА 3 НЕМЕЦКИЙ ДОМ

Акра капитулировала 12 июля 1191 года. Победа оказалась гораздо тише, чем представляли люди, ожидавшие её почти два года. Да, кричали. Звонили. Поднимали знамёна. Рыцари въезжали в город. Но для тех, кто слишком долго жил среди больных, главное ощущение было другим — усталость. Сибранд впервые вошёл в Акру не как победитель. Он искал место для госпиталя. Паруса нельзя было унести в будущее как единственный дом. Они годились для осады, но не для постоянной общины. После капитуляции началось распределение помещений, складов, домов. В городе оказалось множество претендентов на каждый пригодный участок: короли, князья, духовные ордена, купцы, общины разных народов. Немецкое братство было слишком малым, чтобы требовать многое, но уже достаточно признанным, чтобы его нельзя было просто не заметить.

Им выделили постоянный комплекс у стены, возле одних из ворот. Не дворец. Не крепость. Каменный дом с помещениями, которые требовали ремонта, и двором, где можно было разместить хозяйство.

Город после капитуляции выглядел не как награда, а как человек, переживший тяжёлую болезнь. На улицах ещё лежали обломки, в некоторых местах стены домов были выбиты, дворы пахли гарью и стоялой водой. Победители торопились занять помещения, склады и удобные участки, пока другие не успели сделать это раньше. Повсюду звучали языки Европы и Востока. Люди, ещё недавно стоявшие в одной осадной линии, теперь спорили о дверях, дворах и праве поднять собственное знамя.

Немецкий дом получил гораздо меньше, чем мечтали бы тщеславные люди, и гораздо больше, чем имел под парусами. Сибранд предпочёл именно так. В тесном комплексе сразу было видно, сколько труда потребуется: расчистить помещения, заменить часть балок, привести в порядок отвод воды, устроить место для хранения продовольствия и отделить больных от хозяйственного движения. Переезд не был красивой процессией. Носилки застревали в проходах, повозка не могла развернуться во дворе, один сундук уронили и два дня искали рассыпавшиеся записи.

Особенно тяжело переносили самых слабых. В лагере всё было знакомо даже умирающим: шум, ветер, ткань над головой. Каменный дом казался некоторым чужим. Один старик схватил Гернота за рукав и спросил, куда его уносят. Тот ответил: «Домой». Потом долго переживал, что сказал неправду. Сибранд объяснил, что иногда дом — это место, где человек понимает, что его не бросят, а не земля, где он родился. Гернот вошёл первым и остановился.

— Здесь темно.

Сибранд посмотрел на каменные стены.

— Зато дождь не пройдёт.

— Паруса светлее.

— Через неделю будешь жаловаться, что здесь слишком много окон.

Переезд занял несколько дней. Сначала перенесли запасы, затем самых лёгких больных, последними — тех, кому любое движение причиняло боль. Парусный госпиталь пустел постепенно. Сибранд несколько раз возвращался к нему, проверяя, не осталось ли чего-нибудь. В последний вечер под полотнами уже никто не лежал. На земле остались следы лежанок, ямы от шестов, мусор, тёмные пятна, которые дождь когда-нибудь смочит.

Гернот спросил:

— Снимем всё?

— Да.

Одно полотно оказалось слишком старым. Его сложили отдельно. Никто тогда ещё не решил хранить его как память. Просто выбросить было жалко. В каменном доме начались новые проблемы.

Даже звук изменился. Под парусом стон больного терялся в ветре и шуме лагеря. В каменной комнате он отражался от стен и оставался рядом. Запахи тоже задерживались. Пришлось учиться проветривать, выносить загрязнённую солому быстрее, иначе использовать двор. Тот, кто мечтал о прочной крыше, вскоре обнаружил цену прочности: всё, что не уносит ветер, остаётся внутри, если человек сам не вынесет.

Переезд изменил и психологию больных. Некоторые, увидев стены, решали, что попали в настоящее учреждение и требовали большего. Один богатый паломник возмутился, что его положили рядом с простым ремесленником. Сибранд не стал спорить о богословии равенства. Просто спросил, какой из двоих болен тяжелее. Паломник понял, что ответа, который даст ему лучшую постель, не существует. У паруса почти ничего нельзя украсть незаметно: все видят всё. В здании появились комнаты, двери, замки и углы, где вещь могла исчезнуть. Через неделю пропал нож. Потом небольшая сумма. Затем ткань. Сибранд сначала был уверен, что виноваты посторонние. Оказалось — один из помощников. Его поймал Гернот.

— Что делать? — спросил мальчишка.

Сибранд смотрел на человека, работавшего с ними почти три месяца.

— Вернуть всё.

— А потом?

— Уйти.

Кто-то предложил наказать виновного и оставить в общине, но Сибранд настоял на уходе. Дом становился сложнее, в нём появлялись склады, ключи и имущество; если внутреннее доверие исчезнет, очень скоро понадобится охрана уже не от внешней опасности, а друг от друга. Такой порядок он считал худшим исходом. Человека выгнали. Решение было тяжёлым, но после него появились замки и строгая выдача ценностей. Парадокс не ускользнул от Сибранда: он хотел сохранить доверие, а для этого пришлось усилить контроль. Каменный дом породил и вопрос собственности. Что именно принадлежит братству? Само здание? Право пользоваться им? Двор? Постройки? Кто отвечает за ремонт? Можно ли перестраивать? Конрад всё чаще разговаривал с людьми, понимающими документы лучше их. Папская грамота давала общине защиту, но не превращала любой спор в простое дело.

Сибранд начинал понимать: право — не печать, которая заменяет жизнь. Это язык, на котором придётся разговаривать с теми, кто не обязан верить твоей памяти. После победы изменилась и сама работа госпиталя. В лагере большинство пациентов были крестоносцами и паломниками. В городе стали приходить жители. Люди, пережившие осаду. Христиане Востока. Бедняки. Ремесленники. Иногда те, кого братья прежде называли бы врагами, если бы встретили за стеной с оружием. Первый серьёзный спор возник, когда привели местного мужчину с тяжёлой раной.

Один из молодых крестоносцев возмутился, увидев среди больных местного жителя, и напомнил, что пожертвования собирали христиане. Сибранд ответил, что человек вошёл без оружия и теперь определён прежде всего своим состоянием. Для госпиталя этого достаточно. Спор оказался важнее конкретного больного: дом впервые вслух отделил помощь человеку от принадлежности к стороне, пока тот лежит под его крышей безоружным. Сибранд посмотрел на лежащего человека.

— Деньги давали госпиталю.

— И вы выбрали его?

— Мы выбрали больного.

Рыцарь ушёл недовольный. Через несколько дней вернулся и больше не поднимал вопрос. Сибранд не считал это своей победой. Госпиталь просто вынуждал людей видеть то, что война

скрывает удобнее всего: после снятого оружия остаётся тело. Однако и сам Немецкий дом становился заметнее. На двери требовалось обозначение. Люди должны были понимать, где находится немецкий госпиталь. Пока использовали простую табличку и устную молву. О кресте ещё не говорили всерьёз. Осенью часть армии ушла из Акры. Одни двинулись дальше, другие возвращались в Европу. Вместе с ними собирались уехать некоторые помощники. Мартин, плотник из Любека, оставил инструменты братству.

Когда один из уходивших ремесленников захотел оставить братству хорошие инструменты, Сибранд спросил, зачем отдавать то, что понадобится дома жене и детям. Тот ответил просто: здесь они нужнее, а для себя он постарается купить новые. Сибранд не принял дар сразу; привычка проверять цену благочестивого жеста становилась для него не подозрительностью, а способом не позволять братству богатеть за счёт необдуманной бедности отдельных людей. Мартин улыбнулся.

— Тогда жена объяснит, что я дурак.

Он ушёл. Инструменты остались. И Сибранд впервые ясно увидел вещь, которая будет определять Орден столетиями: человек уходит, а переданное им продолжает работать. Не только имущество. Решения тоже. Грамота остаётся после папы. Правило после того, кто предложил. Дом после тех, кто его заселил. В конце года Немецкий госпиталь уже нельзя было назвать временным лагерным делом. Он приобрёл стены. А вместе со стенами — способность переживать обстоятельства, из которых родился.

ГЛАВА 4

ПОСЛЕ ПОБЕДЫ

Первые месяцы после взятия Акры разрушили простую иллюзию: победа не заканчивает нужду. Город был переполнен. Стены стояли, но внутри чувствовались последствия двухлетней осады. Некоторые дома были повреждены, в колодцах и цистернах не всегда хватало чистой воды, улицы быстро превращались в смесь грязи, мусора и отходов. В гавани прибывали новые люди. Купцы возвращались. Военные части уходили и приходили. Болезнь не интересовалась политическим статусом города. Госпиталь заполнялся быстрее, чем Сибранд ожидал.

После ухода крупных армейских отрядов Акра изменила звук. Во время осады город и лагерь жили грохотом работ, криками команд и тревогой. Теперь на первый план вышли торговые голоса гавани, удары молотков, скрип телег. Победители очень быстро становились жителями, а война — фоном для обычных человеческих забот. Сибранду эта перемена казалась почти неприличной. Ещё недавно люди умирали сотнями, а теперь на рынке ожесточённо спорили о цене рыбы. Потом он понял, что именно это и есть жизнь после бедствия: не торжественное продолжение памяти, а возвращение мелочей.

Госпиталь оказался одним из мест, где прошлое и настоящее встречались ежедневно. В одной комнате лежал рыцарь, получивший рану ещё в последних неделях осады. В соседней — каменщик, сорвавшийся при восстановлении дома. Рядом — ребёнок с лихорадкой. Причина страдания менялась, обязанность оставалась. Это помогло Сибранду окончательно избавиться от мысли, что Немецкий дом должен закончиться вместе с крестовым походом. Пока есть люди, которым нужна помощь, первоначальная причина не исчезает; меняется только окружение.

При новом руководстве братства ему пришлось сознательно учиться не вмешиваться в каждую мелочь. Герхард однажды изменил порядок поставок хлеба, не спросив Сибранда. Тот пришёл раздражённый, готовый спорить, но выяснил, что новая договорённость дешевле и надёжнее. Тогда Сибранд впервые поймал себя на неприятном ощущении: иногда он защищает не принцип, а собственную привычку быть тем, кого спрашивают. Это признание оказалось полезнее многих правил. Теперь среди больных было больше гражданских. Стариков. Женщин. Детей. Людей, истощённых осадой. Однажды отец принёс мальчика лет семи. Ребёнок почти не реагировал. Сибранд видел такое прежде и сразу понял, что шансов мало.

Отец был местным ремесленником и почти не говорил на языке братьев. В первые часы они объяснялись жестами. Гернот принёс воду, Конрад нашёл человека, способного перевести, но к тому времени нужные слова уже стали простыми: жар, пить, ждать. Сибранд особенно остро почувствовал, как изменилась работа после осады. Под парусами немецкая речь была причиной появления отдельного госпиталя. В городе она перестала быть границей того, кому можно помочь.

Когда мальчик ненадолго пришёл в себя, он испугался чужих мужчин с непривычными для него лицами вокруг и попытался позвать мать. Отец успокаивал его, а Сибранд отошёл, чтобы не увеличивать страх. В такие моменты он особенно ясно видел пределы любого устроенного дела: можно иметь деньги, стены и папское признание, но иногда лучшая помощь — просто не стоять лишним человеком возле постели. Они всё равно пытались. Мальчик умер ночью. Утром отец долго сидел возле тела. Сибранд ожидал гнева. Иногда люди, потерявшие ребёнка, ищут виноватого не потому, что верят в его вину, а потому что боль требует направления.

Мужчина только сказал через переводчика:

— Спасибо, что он был не один.

После этого Сибранд весь день раздражался на людей без причины.

К вечеру Конрад спросил:

— Что с тобой?

— Ничего.

— Тогда ты особенно неприятен.

Сибранд рассказал. Священник помолчал. Конрад напомнил Сибранду, что спасти удаётся не всегда. Тот это знал; его раздражала не сама смерть, с которой госпиталь сталкивался ежедневно, а благодарность за предел усилий — за то, чего они не сумели сделать. В этом чувстве было больше усталости, чем разумного довода.

Конрад ответил:

— Возможно, ты сделал другое.

Сибранд не спорил. Но мысль осталась. Госпиталь не обязан измерять смысл только числом выживших. Примерно в это время внутри братства началось первое формальное перераспределение руководства. Сибранд оставался человеком, которого многие помнили у самого начала, однако община уже не могла зависеть от его характера и присутствия. В документах и во внешних сношениях появлялись другие руководители; к 1192 году во главе братства упоминался мастер Герхард. Позднее будут другие. Сибранд не сопротивлялся.

— Обидно? — спросил Генрих из Швабии.

— Что?

— Что уже не ты решаешь всё.

Сибранд подумал.

— Иногда.

— Честно.

— Зато теперь могу обвинять другого.

Генрих рассмеялся. На деле перемена принесла облегчение. Сибранд снова больше времени проводил среди больных, а не в спорах о поставках и праве. Он обнаружил, что именно этого ему не хватало. Но полностью от хозяйства уйти было невозможно. Дом требовал ремонта. Крыша протекала в двух местах. Кухне не хватало больших котлов. Пришлось решать, кого принимать, если места нет. Паломники всё чаще воспринимали Немецкий дом не только как госпиталь, но и как безопасное ночлеговое место. Однажды во двор пришла группа здоровых мужчин и потребовала постель, потому что «это немецкий дом». Сибранд отказал.

Один из здоровых паломников попытался сослаться на то, что они немцы и имеют право рассчитывать на свой дом. Сибранд сухо ответил, что больные — тоже, а мест на всех нет.

Так пришлось впервые вслух отделить национальный дом от бесплатного постоялого двора: принадлежность давала право просить помощи, но не отменяла приоритет нужды. После этого решили: временный ночлег можно давать при необходимости, но госпиталь имеет преимущество. Оружие гостей оставлять у входа. Пьяных не принимать. За богатый дар нельзя купить место впереди тяжёлого больного. Параллельно росла военная сторона. Генрих из Швабии всё чаще сопровождал транспорт и паломников. Пока это оставалось вспомогательной обязанностью. Но Сибранд уже не спорил с самим принципом защиты. После нескольких нападений на дорогах отрицать необходимость оружия значило бы предпочитать красивую идею реальному человеку.

Он спорил теперь о другом: кто решает, когда оружие действительно необходимо. Это была существенная перемена в его собственных взглядах, и он замечал её. Сибранд не стал любить меч. Он перестал считать сам факт меча поражением. Однажды вечером Генрих, заметив старую кольчугу у стены, напомнил Сибранду его прежние слова о госпитале без оружия. Тот поправил: он боялся не самого меча, а момента, когда меч станет смыслом дома. За прошедшие годы разница между этими утверждениями перестала быть словесной уловкой — она стала основой его изменившегося взгляда. В другой комнате Гернот составлял новый список имущества. Он уже писал увереннее и почти не делал ошибок. Всё чаще люди спрашивали у него, где лежит ткань, сколько осталось масла, кто получил инструмент. Мальчишка становился частью памяти дома.

Сибранд наблюдал за ним с некоторой тревогой. Не из-за самого Гернота. Потому что понимал: теперь молодые люди будут знать госпиталь только каменным. Паруса станут рассказом. Он достал сохранённый кусок старого полотна и положил в сундук со старыми записями.

Когда Гернот спросил, зачем хранить старый кусок паруса, Сибранд не смог дать полезного ответа. Именно это и стало причиной оставить его: вещь, не имеющая хозяйственной ценности, напоминала о начале лучше любой торжественной формулы. К зиме город окончательно перестал жить одним событием взятия. Рынки работали. В порту ругались из-за пошлин. Люди строили, торговали, рожали детей и хоронили умерших. Победа становилась прошлым. Немецкий дом — постоянным настоящим. И это требовало ответа на новый вопрос: кто именно будет считать его своим домом, когда люди, пришедшие сюда из-за осады, начнут возвращаться в Европу.

ГЛАВА 5

ТЕ, КТО ОСТАЮТСЯ

Люди начали уезжать раньше, чем братство научилось думать о себе как о постоянном. Осенью и зимой 1191 года гавань Акры каждый месяц забирала кого-нибудь знакомого. Купцы возвращались в Любек и Бремен. Рыцари ехали домой или присоединялись к новым походам. Ремесленники искали работу в восстановленном городе. Для большинства участие в осаде было эпизодом жизни, каким бы страшным и долгим он ни оказался. Для Немецкого дома уход каждого человека означал практический вопрос: кто завтра будет делать его работу? Мартин оставил инструменты и уехал к семье. Другой помощник, умевший готовить, отбыл через неделю. Два человека из тех, кто возил воду ещё под парусами, решили вернуться в Германию. Один из священников отправился с паломниками.

Сибранд впервые увидел, как легко община может исчезнуть не от поражения, а от обычного желания людей вернуться к собственной жизни. Гернот получил письмо от матери. Он долго не показывал. Сибранд заметил только потому, что молодой человек несколько дней был непривычно молчалив.

Сибранд спросил, что случилось, и Гернот молча протянул письмо. Мать писала, что для него война, вероятно, уже закончилась, отец нуждается в помощи, корабли снова ходят и пора возвращаться. На прямой вопрос, хочет ли он домой, Гернот ответил «да» так быстро, что Сибранд удивился. Он не стал удерживать: если решение о служении должно иметь цену,

право уйти должно оставаться настоящим, а не красивой формальностью. Гернот явно ожидал другого и почти обиделся, услышав простое: «Тогда езжай».

Весь день он работал молча. Вечером вернулся и сообщил, что останется. Долго объяснять не сумел: дома он нужен семье, здесь — не только семье. Сибранд обычно не доверял красивым формулировкам, но на этот раз не стал разрушать их насмешкой. Попросил лишь написать матери самому и сказать правду. Так решение Гернота перестало быть продолжением чужой воли и стало его собственным.

Через несколько дней в дом пришёл молодой рыцарь, пожелавший «послужить братьям». По одежде, оружию и манере держаться было ясно: человек привык, что служение означает охранять, сопровождать или хотя бы стоять там, где его достоинство заметно. Сибранд отправил его помогать выносить грязную солому. Рыцарь решил, что не расслышал. Затем попытался объяснить происхождение. Сибранд не спорил и показал дверь. К вечеру тот вернулся. На следующий день работал молча, хотя лицо выражало всё, что он думает о таком испытании. Через неделю перестал морщиться. Через месяц остался.

Этот эпизод много обсуждали. Одни считали, что Сибранд специально унижает дворян. Он отрицал. Не унижение было целью, а проверка: способен ли человек делать необходимое, когда никто не восхищается его происхождением. В общине, где один моет рану, другой готовит еду, третий сопровождает повозку, невозможно строить иерархию достоинства по степени чистоты работы.

По вечерам, когда позволяла нагрузка, братья ели вместе. Такие трапезы были шумнее монастырских и хуже организованы, чем у иоаннитов. Кто-то опаздывал, кто-то спорил о дежурстве, кто-то жаловался на еду. Но именно за столом люди учились существовать рядом после дневных конфликтов. Сибранд заметил: братство начинается не с того, что все любят друг друга, а с того, что после ссоры всё равно возвращаются к одной работе. И его решение оказалось важнее для Сибранда, чем он ожидал. До этого община существовала потому, что обстоятельства удерживали людей рядом. Теперь кто-то сознательно выбирал её вместо прежнего дома. После Гернота подобные решения пришлось принимать и другим.

В течение нескольких недель Сибранд почти ежедневно слышал одну и ту же фразу в разных вариантах: «я останусь до весны», «я останусь, пока нужен», «я не знаю, куда возвращаться». Его раздражала неопределённость, но именно из неё постепенно возникла настоящая постоянность. Люди редко дают себе пожизненный обет в тот момент, когда жизнь ещё не потребовала этого. Сначала они остаются ещё на один месяц. Потом ещё на один сезон. А однажды понимают, что уже говорят о Германии как о месте, куда можно съездить, а не как о единственном доме.

Общая трапеза стала одним из признаков этой перемены. Раньше ели кто когда успевал. Теперь хотя бы раз в день старались собирать братьев вместе, если работа позволяла. За столом особенно ясно было видно, насколько разные люди оказались рядом: рыцарь, ремесленник, сын купца, священник, человек без семьи и человек, оставивший большую семью за морем. Не все нравились друг другу. Братство не делало характеры совместимыми. Оно лишь заставляло людей ежедневно возвращаться к одному столу после ссор, раздражения и усталости. Это оказалось не менее важным испытанием, чем работа у больных. Собрали тех, кто намеревался остаться надолго. Их оказалось около дюжины, если считать только наиболее постоянных братьев и не включать наёмных работников и временных помощников.

Сибранд смотрел на лица и неожиданно видел не единство, а различие. Один был старше сорока и явно не собирался начинать новую жизнь с чистого листа; другой едва вышел из юности. Один умел считать, но плохо переносил кровь. Другой был неграмотен, зато мог всю ночь сидеть возле горячечного больного и не терять терпения. Рыцарское происхождение соседствовало с ремесленным. Ни один красивый принцип не мог сделать их одинаковыми. Поэтому

будущая община должна была строиться не на сходстве характеров, а на сходстве принятой обязанности.

Вопрос о том, кто считается братом, оказался сложнее списка. Некоторые люди работали с ними много месяцев, но получали плату и собирались когда-нибудь уйти. Другие не имели формального обещания, но фактически уже делили жизнь дома. Сибранд сопротивлялся желанию провести слишком жёсткую черту. Он видел, как легко название превращается в привилегию. Пока братство оставалось молодым, ему было полезно помнить, что рядом существуют люди, служащие делу без громкого имени. Причины были разными. Вера. Желание быть полезным. Отсутствие семьи. Неудачи дома. Иногда — попытка убежать от прежней жизни. Сибранд не считал последнюю причину автоматически плохой. Человек может прийти в правильное место по неправильной дороге и всё равно остаться там правильно.

Именно тогда появился более определённый список братьев. Гернот записывал имена.

— Меня тоже? — спросил он.

Сибранд посмотрел.

— Ты собираешься завтра уехать?

— Нет.

— Тогда пиши.

Гернот улыбнулся и добавил себя. Появление списка имело неожиданный эффект. До этого слово «брат» было почти бытовым. Теперь оно начинало означать принадлежность. Сразу возник вопрос выхода. Если человек решит уйти, имеет ли право забрать часть общего имущества? Если он сам когда-то принёс деньги или инструмент? Если подарил лошадь? Решение приняли осторожное: то, что явно передано дому, остаётся дому. Личное имущество — человеку. Уходящий должен предупредить и передать обязанности, если обстоятельства позволяют. Конрад сформулировал это проще: община должна строить не только вход, но и выход. Сибранд одобрил мысль. Он по-прежнему считал опасным братство, в котором человек остаётся лишь потому, что ему больше некуда идти.

В эти годы формальное руководство братством менялось. После Сибранда в документах упоминался Герхард; позднее — священник Генрих. Для большинства больных эти имена значили мало: они видели того, кто стоял у постели. Для внешнего мира, напротив, становилось всё важнее знать, кто имеет право говорить от имени Немецкого дома. Сибранд сознательно отходил от положения первого руководителя. Он не исчезал. Его опыт требовался. Но он всё меньше считал своё присутствие доказательством правильности решения.

Однажды Конрад спросил, не боится ли Сибранд, что новые братья переделают многое по-своему. Тот признал: боится и далеко не всё ему понравится. Но если устройство должно навсегда оставаться таким, каким было при первом руководителе, значит, они создали не братство, а продолжение его личных привычек. Эта мысль помогала ему сознательно отходить от формального руководства, не исчезая из жизни дома. Вскоре произошло событие, которое стало для общины почти незаметным, но важным. Брат по имени Рупрехт умер от лихорадки. Он не погиб на дороге, не участвовал в сражении, не совершил ничего, что люди охотно превращают в легенду. Просто заболел и за несколько дней угас.

После его смерти Гернот пришёл с книгами и спросил, куда записать имя. До этого существовали хозяйственные записи, списки имущества, дарений и братьев, но отдельной памяти об умерших внутри общины не было. Так появилась новая книга. Не великая хроника. Просто имена тех, кто был частью дома и ушёл раньше остальных.

Вечером после погребения Генрих из Швабии принёс свой меч и положил на стол: хотел передать дому, чтобы оружие осталось братству, если он погибнет. Сибранд отказался. Пока меч принадлежал конкретному человеку, тот лично отвечал за причину, по которой его обнажает; передача оружия дому означала бы появление уже не личного, а общего вооружения. Генрих нахмурился и спросил главное: а если именно этого однажды потребует безопасность

самого дома? Сибранд не ответил. Это был вопрос, до которого им ещё предстояло дойти. Меч Генрих забрал. Но идея осталась. Снаружи Немецкий дом уже воспринимали как постоянное учреждение. Внутри он только учился быть общиной людей, которые остаются не потому, что не могут уйти, а потому что выбрали общее дело.

И именно выбор, а не стены, впервые сделал дом настоящим.

ГЛАВА 6

ИОАННИТЫ

К иоаннитам Сибранд пришёл за полотном и котлами. Вернулся с гораздо большим количеством вопросов. После восстановления христианской власти в Акре госпитальеры Святого Иоанна устроили здесь один из главных центров своего Ордена. По сравнению с Немецким домом их обширный Орден казался почти отдельным миром: многолетняя традиция, европейские владения, монашеское правило, госпитальная служба и уже давно сложившаяся вооружённая служба. Сибранд ожидал увидеть большой госпиталь.

Его провели через несколько помещений, и больше всего поразила не величина, а способность большого числа людей не мешать друг другу. В одном месте готовили пищу, в другом меняли постели, отдельно хранили лекарственные составы и ткань. У каждого действия был привычный путь. Сибранд не романтизировал увиденное: среди больных стоял тот же запах, люди стонали так же, некоторые умирали. Но хаос не добавлял страдания к болезни. Это было уже достижением.

Он задержался возле пожилого паломника, которого кормили с ложки. Брат, занимавшийся им, не торопился, хотя рядом ждали другие. Сибранд спросил, не слишком ли много времени уходит на одного. Иоаннит ответил, что правило распределяет обязанности именно затем, чтобы человек у постели не превращался каждую минуту в управляющего всем домом. Сибранд услышал важную мысль: специализация может быть не удалением от милосердия, а способом дать ему время.

По пути они увидели братьев разных языков. Франк, итальянец, человек из германских земель — все принадлежали одному Ордену и подчинялись общему устройству. Немецкий дом пока оставался тесно связан с языком и происхождением своих первых людей. Иоанниты показывали, что духовное братство может стать шире людей одного языка и происхождения, не потеряв своего служения. Сибранд не был уверен, понадобится ли это им, но впервые задумался о доме, в котором люди не знают друг друга лично и всё равно считают себя одной общиной.

У иоаннитов его особенно поразили один эпизод, почти незаметный для хозяев. Старший брат сделал замечание молодому за неправильно записанный расход масла. Не кричал, не унижал. Молодой исправил и продолжил работу. Через несколько минут старший уже помогал ему переносить тяжёлый ящик. В Немецком доме спор легко становился личным: тот, кто поправил другого, потом ещё долго помнил раздражение. Здесь роль и человек были отделены лучше. Сибранд понял: большой дом не может жить, если каждое распоряжение превращается в вопрос дружбы или обиды.

Но и обратная сторона была видна. Некоторые братья выполняли работу почти механически. Сибранд наблюдал за одним и поймал себя на мысли, что дисциплина способна сохранить качество действий, даже когда внутреннее чувство устало. Это полезно для больного, который не должен зависеть от настроения помощника. И одновременно тревожно для человека, привыкшего считать искренность главным источником милосердия. Иоанниты показывали: хорошо устроенный дом обязан делать своё дело и в день, когда его люди устали, раздражены и вовсе не чувствуют себя праведниками.

Он знал историю иоаннитов лишь в общих чертах. Их госпитальная община возникла задолго до нынешней войны, а папское признание они получили ещё в начале века. К моменту, когда Немецкий дом только учился вести список бочек, у иоаннитов уже существовали владе-

ния в разных землях, крепости, собственная иерархия и опыт катастрофы 1187 года. После Хаттина они потеряли многое, но не исчезли. Для Сибранда это было особенно важно: перед ним находился Орден, уже переживший и потерю места, и поражение. Он смотрел на их двор не как на образец богатства. Скорее как на ответ на вопрос, который преследовал его с первых месяцев: что делает общину долговечной? Стены, деньги и дисциплина были видимы. Невидимым оставалось то, что связывает их после смерти первых основателей.

Прежде всего увидел порядок. Во дворе никто не бегал без смысла. Люди знали, куда нести воду, кто отвечает за кладовую, кто принимает больных. Работа не останавливалась, если один брат уходил. Для Сибранда, привыкшего к дому, где отсутствие Гернота сразу чувствовалось по запасам, это было почти чудом.

— Не нравится? — спросил Генрих из Швабии.

— Наоборот.

— Тогда лицо у тебя особенно плохое.

Иоаннит, встретивший их, был немолод. Говорил по-французски; Конрад переводил. Он быстро выяснил, сколько больных у Немецкого дома, сколько людей служит, какие запасы и кто отвечает за хозяйство.

Когда Сибранд сказал, что за кладовую «в основном Гернот, но помогают ещё двое», госпитальер переспросил:

— Кто отвечает?

Сибранд повторил. После перевода мужчина покачал головой.

— Если отвечают трое, то в день ошибки каждый скажет, что думал на другого.

Сибранд посмотрел на Конрада.

— Ты точно переводишь?

— Почти дословно.

Иоаннит показал им склады. Полки, сундуки, ткань, сосуды, запасы были разложены не по памяти одного человека, а по заведённому порядку. Отдельно вели поступления и расходы. Отдельно учитывали имущество. Сибранд видел похожие книги у купцов, но здесь они служили не торговле.

— Зачем так подробно? — спросил он.

Ответ был проще, чем ожидал:

— Чтобы больной не зависел от того, помнит ли один брат, сколько осталось масла.

Эта мысль Сибранду понравилась. Не формулировкой. Практичностью. В Немецком доме слишком многое ещё держалось на личной памяти. Они прошли через помещение для больных. Сибранд не стал сравнивать медицинские приёмы — часть видел впервые, часть счёл бы спорной, часть была просто следствием больших запасов и числа людей. Гораздо важнее оказалось другое: госпитальеры давно научились связывать милосердие с управлением. И вместе с вооружённой силой. Когда они вышли в другой двор, Сибранд увидел рыцарских братьев, оружие, лошадей. Не случайных охранников. Не людей, которые взяли меч, потому что дорога сегодня опасна. Вооружённая служба стала одной из постоянных обязанностей Ордена. Генрих из Швабии смотрел с очевидным интересом.

Сибранд спросил у госпитальера:

— Как вы дошли от больных до оружия?

Ответ потребовал длинного перевода. Не одним решением. Нужно было защищать больных, паломников, имущество, дороги, земли. Появлялись крепости. Военная обязанность становилась постоянной. Одно не отменило другое, но изменило устройство общины.

Сибранд спросил:

— И не мешает?

Иоаннит посмотрел на него внимательно.

— Иногда мешает всё. Деньги. Гордость. власть. Даже добрые намерения. Для этого существует правило.

— Правило мешает ошибаться?

— Нет. Оно позволяет хотя бы понять, что было нарушено.

Такой ответ Сибранду понравился больше красивого. После еды они увидели оружейное имущество Ордена. Мечи и щиты, принадлежавшие не конкретному рыцарю, а общине. Сибранд вспомнил меч Генриха из Швабии на своём столе. Теперь он видел, куда ведёт этот принцип в большом масштабе. Оружие перестаёт быть только вещью рыцаря и становится имуществом, которым распоряжается Орден.

После визита к иоаннитам Генрих спросил, что поразило Сибранда сильнее всего. Тот ответил не про богатство и не про оружие: масштаб. Немецкий дом оставался маленьким, а значит, пока ещё мог держаться на личной памяти и непосредственном доверии. В большом доме эти удобства исчезают первыми. Генрих усмехнулся.

— Удобно. Можно плохо считать и называть это простотой.

Сибранд не ответил. На следующий день он назначил Гернота единственным ответственным за кладовую с правом выбрать помощника. Через неделю появились новые списки. Через две Гернот начал раздражать братьев требованиями возвращать каждую вещь на место. Когда Гернот за несколько недель превратил кладовую в царство записей и возвратных отметок, Генрих шутливо обвинил Сибранда в создании чудовища. Тот переложил вину на иоаннитов: именно их порядок показал, насколько быстро полезный порядок способен стать привычкой. Некоторые правила иоаннитов постепенно переняли: более точный учёт, распределение обязанностей, внутренний порядок. Но Сибранд сопротивлялся слепому копированию.

Через месяц Сибранд снова оказался у иоаннитов, но уже не как любопытный гость. В гавань пришло судно, на котором за время пути заболело несколько паломников. Двоих принесли в Немецкий дом, остальных повезли к госпитальерам, и Сибранд отправился следом, потому что хотел узнать, не связана ли болезнь с водой на корабле. Во дворе старшего Ордена всё выглядело почти спокойно, хотя больных прибавилось сразу больше десятка. Один брат принимал имена, другой осматривал людей, третий распоряжался постелями, четвёртый уже отправлял слугу за дополнительной водой. Никто не бегал искать человека, который «решает всё».

Это впечатлило Сибранда сильнее аккуратной кладовой. В Немецком доме при неожиданной беде почти всегда сначала возникал вопрос, кого позвать. Здесь вопрос звучал иначе: какая обязанность уже существует для этого случая. Старший госпитальер появился только позже. Выслушал, задал три вопроса и не изменил почти ничего. Сибранд спросил, не раздражает ли его, что люди начали действовать без разрешения.

— Раздражало бы, если бы действовали без правила, — ответил тот. — Если всё требует моего голоса, значит, я не руковожу домом. Я держу его за горло.

Сибранд запомнил, хотя формулировка не понравилась. Вечером один из новых больных умер. Работа не остановилась. Священник пришёл к телу, другой брат занял освободившееся место следующим тяжёлым. В этой быстроте было что-то почти жестокое, но Сибранд понимал: жестокость была бы в другом — оставить живого ждать, потому что дом слишком долго прощается с мёртвым.

На обратной дороге он сказал Генриху из Швабии, что порядок иоаннитов пугает его именно своей способностью работать без конкретного хорошего человека.

— Почему пугает? — спросил Генрих.

— Потому что плохой человек тоже сможет пользоваться хорошим порядком.

— А без порядка хороший человек однажды уснёт.

Сибранд не нашёл возражения. Это стало ещё одним вопросом, который он унёс из чужого дома вместо котлов и полотна.

При следующем визите тот же госпитальер сам предупредил:

— Не пытайтесь стать нами. Наши правила выросли из наших обстоятельств и наших ошибок.

— Наконец совет, который мне нравится, — сказал Сибранд.

Конрад перевёл. Иоаннит улыбнулся. Вскоре Сибранд понял главное различие между подражанием и обучением. Подражание берёт форму. Обучение спрашивает, какую проблему форма решала. Немецкий дом нуждался в порядке — и мог учиться у старшего госпитального Ордена. Но ему ещё предстояло решить, нужна ли ему та же военная природа. На выходе Генрих из Швабии задержался у двора с оружием.

Сибранд окликнул:

— Идём.

Генрих догнал.

— Следующий раз надо посмотреть храмовников.

— Зачем?

— Иоанниты начинали с госпиталя. Храмовники — с дороги и меча.

Сибранд посмотрел на него. Потом на чёрнеющий к вечеру город.

— Именно поэтому и не хочется.

Но через несколько месяцев они всё-таки пошли.

ГЛАВА 7

ХРАМОВНИКИ

Храмовники произвели на Сибранда другое впечатление. У иоаннитов он видел госпиталь, который научился защищать себя оружием. У людей Храма оружие было встроено в самую дисциплину братства. Причиной визита стала дорога. Несколько немецких паломников собирались двигаться вместе с караваном, и Генрих из Швабии предложил узнать о сопровождении.

Дом Храма в Акре пах не травами и варёной пищей, а кожей, железом и лошадьми. Во дворе тренировались братья. Сибранд видел рыцарские упражнения много раз, но здесь заметил непривычное: человека хвалили не за то, что он вырвался вперёд и ударил быстрее, а за то, что не разрушил строй. Один молодой всадник показал красивый манёвр, ушёл вперёд и был немедленно остановлен наставником.

— Почему? — спросил Сибранд.

Генрих перевёл объяснение.

— Нарушил порядок.

— Но сделал хорошо.

— Как отдельный рыцарь. Не как брат.

В этой фразе скрывалось почти всё устройство Храма. Тамплиерская сила заключалась не только в лошадях, оружии и опыте. Рыцарь привык быть человеком собственного рода, чести и решения. Орден требовал от него способность действовать как часть целого.

Сибранд наблюдал тренировку дольше, чем собирался. В лагере под Акрой он много раз видел, как знатные люди спорили из-за старшинства, не желали уступать место в строю, уезжали, если считали приказ унижительным. Здесь личная честь не исчезала, но была загнана внутрь более жёсткой формы. Всадник, который мог выиграть поединок, но разрушил бы строй, считался опасным для своих. Это полностью переворачивало рыцарское представление о доблести.

Генрих из Швабии, наоборот, не выглядел удивлённым. Он объяснил, что хороший отряд часто проигрывает не потому, что люди слабы, а потому что каждый слишком уверен в собственной правоте. Сибранд услышал в этом военную версию того, чему они уже научились в кладовой и хозяйстве: общее дело требует, чтобы отдельный человек иногда уступал. Разница была в цене ошибки. В кладовой теряют мешок зерна. В строю — людей.

Сибранд спросил у одного из братьев:

— Если видишь возможность победить, но приказ запрещает?

Тот ответил без долгих размышлений:

— Исполняю приказ.

— Даже если уверен, что начальник ошибается?

— В бою — да. После боя можно требовать ответа.

Сибранд подумал о Немецком доме, где спор иногда начинался раньше решения и продолжался после. Тамплиерский порядок был эффективнее. Именно поэтому опаснее при ошибке. Генрих из Швабии понимал эту сторону лучше.

— Отдельный рыцарь видит десять шагов перед собой. Командир обязан видеть строй.

— А если не видит?

— Тогда проиграют вместе.

Сибранд уже слышал похожий ответ от иоаннитов. Послушание не делает ошибку невозможной. Оно делает возможным совместное действие — и увеличивает цену плохого приказа. Ещё сильнее Сибранда поразило отношение к собственности. Одежда, кони, часть оружия — всё было подчинено Ордену и его службе. Личный род не исчезал, но внутри братства должен был уступать общей принадлежности. Молодой рыцарь из Немецкого дома по имени Рудольф после этого визита начал говорить о вступлении в Храм. Сибранд спросил молодого рыцаря, почему его так тянет к храмовникам. Ответ оказался не о битвах: там человеку сразу ясно, кто он и каково его место. В Немецком доме это ещё только определяли. Сибранд запомнил признание — неопределённость свободы могла утомлять не меньше, чем жёсткое правило.

Ответ оказался честным. Рудольф хотел обета, общей одежды, дисциплины и военной обязанности. Немецкое братство пока не давало ему такой формы. Через несколько месяцев он ушёл к храмовникам.

Уход Рудольфа вызвал неожиданный спор среди молодых братьев. Гернот спросил, можно ли считать братством общину, из которой человек способен просто уйти. Сибранд ответил, что дверь наружу не делает принадлежность ложной. Наоборот, его пугало бы место, где человек остаётся только потому, что уже отдал всё и не имеет пути обратно. Конрад возразил, что настоящий религиозный обет как раз требует необратимости. Разговор не закончился решением, но поставил вопрос, который позже станет частью орденской формы: где заканчивается добровольный выбор каждого дня и начинается обязанность, однажды принятая на всю жизнь.

Письмо Рудольфа пришло спустя долгое время и выглядело иначе, чем Сибранд ожидал. Ни рассказов о битвах, ни хвастовства. Рудольф писал о молчании за столом, о необходимости спрашивать разрешение там, где раньше решал сам, о лошади, которая принадлежит Ордену, а не всаднику. Он признавался, что труднее всего оказалось не отказаться от денег, а отказаться от привычки считать собственное мнение достаточной причиной для действия.

Сибранд читал письмо Генриху из Швабии. Тот слушал без насмешки. Оба понимали: военный Орден меняет не только способ боя. Он меняет человека в мирной повседневности. Подчинение в строю невозможно создать за минуту перед столкновением; оно начинается в трапезной, в хозяйстве, в отношении к собственности. Именно поэтому храмовники были не просто вооружёнными монахами. За ними стоял целый уклад воспитания и послушания. Перед отъездом вернул всё, что принадлежало дому. Личное забрал.

— Считаешь, ошибаюсь? — спросил он.

Сибранд покачал головой.

— Думаю, ты ищешь то, чем мы пока не являемся.

— А станете?

— Не знаю.

Рудольф ушёл. Письмо от него пришло позже. Короткое. Он писал, что учится молчать тогда, когда раньше спорил, и что белый плащ тяжелее, чем выглядит. Особенно запомни-

лась одна мысль: военный Орден определяется не тем, что его братьям разрешено брать меч, а тем, что правило определяет, когда меч нельзя использовать. Сибранд перечитал дважды. Эта мысль изменила его спор с Генрихом из Швабии. До этого Сибранд пытался удержать оружие вне самой природы братства. Теперь начал понимать: если оружие всё равно необходимо для защиты, опасность уменьшается не от отсутствия формулировок. Наоборот. Постоянная вооружённая сила без ясных правил может быть хуже. Разговор продолжился после того, как один тамплиер попал в Немецкий госпиталь с тяжёлой травмой ноги. Белый плащ сняли, и перед Сибрандом остался обычный человек, мучающийся от боли. Он называл себя Гуго.

Гуго провёл в доме несколько недель. За это время Сибранд увидел в храмовнике не символ, а человека, который когда-то вступил в Орден отчасти из-за собственных неудач и долгов, а остался потому, что нашёл ясную обязанность.

— Тебе нравится подчиняться? — спросил Сибранд через Конрада.

Гуго засмеялся.

— Нет. Нравится знать, для чего подчиняюсь.

Перед уходом он сказал:

— Если станете военным Орденом, сначала напишите, когда брат обязан остановиться.

Гуго, храмовник, которого позже привезли в Немецкий дом с тяжёлой травмой ноги, дал Сибранду возможность увидеть тот же уклад изнутри не во время парада или тренировки, а в беспомощности. Белый плащ сняли, оружие унесли, и на постели лежал человек, который стонал, ругался при боли и несколько раз пытался встать раньше разрешения. Сибранд испытывал почти злорадное облегчение: символ оказался слабее тела.

За недели лечения они много разговаривали через Конрада. Гуго признался, что вступил в Храм не из возвышенной юношеской мечты, а после долгов и неудач. Остался потому, что впервые получил ясную меру собственной полезности. «Я либо исполняю обязанность, либо нет», — сказал он. Не происхождение, не состояние отца, не личная слава. Сибранд услышал в этом то, чего искали некоторые молодые братья Немецкого дома: принадлежность, снимающую необходимость постоянно доказывать своё место.

Гуго при этом не идеализировал Орден. На вопрос, исполнил бы он приказ, который считает неправильным, ответил после паузы: «В бою, вероятно, да. А потом отвечал бы и начальник, и я». Именно это «и я» запомнилось Сибранду. Послушание не отменяет личной совести полностью; иначе человек слишком легко превращает приказ в освобождение от ответственности.

Когда Гуго уезжал, снова надел белый плащ. За месяц Сибранд привык видеть просто больного и неожиданно почувствовал, как быстро знак возвращает человеку другую роль. Тот же мужчина стал для окружающих храмовником раньше, чем успел выйти за ворота. Так символ работает не только на носителя, но и на всех, кто смотрит. Сибранд запомнил. Немецкий дом всё ещё не был Орденом Храма и не стремился им стать. Но после знакомства с храмовниками братья уже не могли притворяться, будто духовная община и постоянная военная дисциплина несовместимы по определению. Перед ними существовал живой пример. Вопрос теперь заключался не в возможности. В цене.

ГЛАВА 8

БЕДНОСТЬ, КОТОРОЙ НУЖНО ИМУЩЕСТВО

Первый спор о богатстве начался с земли, которую никто из братьев не собирался обрабатывать собственными руками. Немецкий купец, давно живший в Акре, решил уехать и предложил братству небольшой сад и несколько участков. Они приносили регулярный доход.

Когда владелец предложил участок, Сибранд прямо спросил, почему именно Немецкому дому. Ответ был прост: здесь его лечили. Сибранд возразил, что за лечение не платят землёй, но даритель не считал это платой — он хотел передать имущество тому, что, как надеялся, переживёт его отъезд. Именно эта формулировка заставила Сибранда отнестись к предложе-

нию серьезнее. Последняя фраза заставила Сибранда задуматься. Проблема была в другом. На земле жили люди. Не рабы, но земледельцы, платившие владельцу за пользование участками. Если братство принимает дар, оно становится стороной этих отношений. Сибранд поехал туда сам. Разговаривал с семьями. Спросил не о красивых формулировках грамоты, а о том, сколько они платят и чего опасаются при смене владельца.

Дорога заняла меньше дня, но дала ему больше понимания собственности, чем несколько недель споров. Участок оказался не абстрактной землёй из документа. Там стояли дома, в саду сушили инжир, возле колодца женщины спорили о воде, ребёнок гонял палкой кур. Сибранд вдруг почувствовал неловкость от самого выражения «принять владение». Для него это была строка в книге; для этих людей — вопрос, придёт ли новый управляющий, изменит ли плату, потребует ли работу в другое время.

Он специально не появился с вооружённой охраной. Взял только переводчика и одного брата. Ему хотелось услышать людей прежде, чем они начнут говорить с владельцем земли, а не с человеком. В тот день он впервые увидел за красивым словом «владение» не меру земли, а конкретные дворы, долги, привычки и людей, которым придётся жить с чужим решением.

Один мужчина ответил:

— Если плата не изменится, нам всё равно, чьё имя в бумаге.

Для Ордена будущая земля была доходом. Для него — размером ежегодной выплаты. После этого дар приняли с условием не увеличивать повинности без понятной причины. Так у Немецкого дома появился постоянный доход, не зависящий от того, проснётся ли завтра богатый человек с желанием проявить благочестие.

Сибранд долго сопротивлялся самой логике накопления. Конрад однажды объяснил проще:

— Ты можешь выбрать бедность для себя. Не имеешь права заставлять больного голодать ради красоты своей бедности.

Это стало важным различием. Личная бедность и бедность учреждения — не одно и то же. Если брат отказывается от собственности, община обязана его кормить, лечить и одевать. Чем меньше принадлежит каждому, тем больше должно принадлежать всем вместе. Парадокс раздражал Сибранда, но отрицать его было невозможно.

Особенно ясно он проявился в истории с одеждой. Брат Франц имел три хороших плаща, привезённых из дома. Другой, Бертольд, носил один, давно истёртый. Когда похолодало, из общего запаса пришлось купить Бертольду новый. Гернот возмутился: почему дом тратит деньги, если рядом лежат две лишние вещи? Франц ответил просто: потому что они его. Формально был прав. Практически — вся общая жизнь начинала выглядеть нелепо.

После нескольких дней раздражения Франц сам принёс два плаща и отдал дому. Один сразу получил Бертольд, второй пошёл в запас. Но вскоре Францу понадобилась тёплая одежда для поездки, и он потребовал «свой» плащ обратно. Гернот отказал: после передачи он уже общий. Спор оказался полезнее теоретической проповеди. Все увидели: дар общине меняет юридическую и моральную природу вещи. Передавать надо осознанно, а принимать — не пользоваться минутным порывом человека. Отсюда и правило времени на размышление для крупных личных дарений.

Сибранд постепенно перестал видеть личную собственность как простого врага братства. Она могла давать человеку независимость и возможность уйти. Но избыток личного внутри общей жизни создавал различия, которые быстро превращались в положение. Приходилось искать равновесие без готовой формулы. Именно поэтому он предпочитал спорить о каждом новом случае, а не объявить красивый абсолютизм и потом обнаружить, что жизнь ему не подчиняется. Проблема проявилась ещё яснее, когда один брат получил наследство в Германии.

Когда один из братьев получил наследство в Германии, он пришёл к Сибранду за советом. Сам владеть землёй он не хотел и был готов передать её дому целиком. Сибранд не ожи-

данно для него не обрадовался такому решению: полная передача делала человека сильнее зависимым от общины и требовала не меньшей осмотрительности, чем приобретение имущества самим братством. Сибранд помолчал.

— Не спеши.

Он опасался ситуации, когда человек отдаёт последнее, а потом остаётся в общине только потому, что вне её у него ничего нет. Поэтому крупные личные дарения братьев решили принимать не сразу. Человеку давали время передумать. Не все понимали.

Брат настаивал, что, решив служить здесь всю жизнь, больше не нуждается в личных деньгах. Сибранд ответил, что сегодняшняя решимость не даёт права распоряжаться будущим человеком как уже известным. Это было не недоверием к конкретному брату, а недоверием к человеческой уверенности вообще — в том числе к собственной. И всё же тенденция была очевидной. Личное имущество братьев сокращалось, общее росло. Появились земельные доходы, дополнительные лошади, запасы, пожертвованное оружие, дома и права на имущество в Европе.

К 1196 году само братство получило новое папское подтверждение при Целестине Третьем. В документах того времени упоминался прецептор Генрих; позднее традиция свяжет его с Генрихом Вальпотом, первым магистром уже рыцарского Ордена. Для братьев тогда важнее было другое: управление становилось всё более оформленным ещё до официального военного преобразования.

К этому времени хозяйственная жизнь уже стала настолько сложной, что Сибранд иногда не узнавал собственный дом. Появились регулярные поставщики, ответственные за конкретные участки работы, люди, занимавшиеся земельными доходами, и братья, которые могли провести целый день, не войдя к больным. Последнее тревожило его сильнее всего. Не потому, что каждый обязан постоянно менять повязки, а потому что специализация создаёт возможность прожить внутри благотворительного учреждения, почти не соприкасаясь с теми, ради кого оно существует.

По его настоянию хозяйственных братьев время от времени ставили на обычные дежурства. Некоторые считали это потерей времени. Гернот, наоборот, однажды после ночи в палате сам изменил порядок выдачи ткани: увидел, сколько её уходит на тяжёлых больных, и понял, что цифры в книге не показывают причину расхода. Сибранд получил ещё одно доказательство: управление, слишком далеко оторванное от места служения, начинает оптимизировать то, чего не понимает. Сибранд заметил этот процесс по одной простой вещи. Раньше любой крупный расход доходил до него или нескольких знакомых старших. Теперь существовали обязанности, которые исполнялись без его участия. Однажды он обнаружил, что хозяйственник договорился о ремонте колодца.

— Почему мне не сказали?

— Сумма в пределах его полномочий, — ответил Гернот.

Сибранд хотел возразить. Потом понял, что именно к этому они стремились: чтобы дом работал без разрешения одного человека на каждую доску. С ростом имущества появилась новая опасность — выгодные приобретения, не имеющие прямой необходимости. Хозяйственник предложил купить ещё один участок.

— Доход хороший.

Сибранд спросил:

— Зачем он нам?

— Я же сказал. Доход.

— Это ответ на вопрос «что даст», а не «зачем».

Участок не купили. Не потому, что богатство считалось злом. Потому что впервые сформулировали принцип: имущество должно иметь понятную связь со служением, а не служение становится оправданием любого выгодного имущества. Одновременно братья учились не

превращать этот принцип в аскетическое упрямство. В одну тяжёлую зиму именно доход с земли позволил закупить зерно без унижительной спешки по сбору пожертвований. Больные ели нормально.

Сибранд посмотрел на хлеб и признал:

— Земля была нужна.

Конрад улыбнулся.

— Повтори громче.

— Не настолько.

К концу 1196 года Немецкий дом уже не был бедным учреждением в буквальном смысле. Но отдельные братья всё чаще жили без значительного личного имущества. Это создавало новый тип силы. Человек становился зависим от общины. Община — ответственна за человека. Сибранд видел обе стороны. И потому всё настойчивее требовал, чтобы управление общим имуществом было прозрачным хотя бы внутри братства. Бедность отдельного брата могла быть добродетелью. Богатство общины — инструментом. Но ни одно из двух не гарантировало правильности само по себе.

ГЛАВА 9

НЕ ТОЛЬКО ЛЕЧИТЬ

Нападение произошло в 1197 году на дороге, которой люди Немецкого дома пользовались постоянно. Телега везла муку, масло, ткань и несколько ящиков с лекарственными припасами. С ней отправились возница Петер и трое вооружённых сопровождающих. Генрих из Швабии просил пятерых. Сибранд счёл это избыточным. Они спорили недолго. Позднее Сибранд много раз мысленно возвращался к разговору, хотя отлично понимал бессмысленность такого занятия. Телега не вернулась к полудню. К вечеру пришёл конь без всадника. Генрих из Швабии сразу собрал людей. Сибранд поехал с ними. На дороге нашли разбитую повозку. Груз исчез. Петер лежал мёртвым неподалёку. Одного брата, Маттиаса, нашли тяжело раненным в овраге.

Он смог сказать только:

— Двоих увели.

Генрих хотел немедленно идти по следу. Сибранд остановил его: направление они знали, но не число нападавших, не местность впереди и не то, ждёт ли там засада. Генрих бросил, что их людей увели и потому медлить нельзя. Для Сибранда та же причина означала обратное: он не хотел положить рядом с уже пропавшими ещё шестерых. Разговор едва не превратился в ссору. Сибранд чувствовал вину за утреннее решение и потому особенно боялся принять второе под влиянием той же вины. Послали гонцов в Акру и к ближайшим силам храмовников. Раненого отправили обратно. След продолжали наблюдать. Тамплиеры пришли через несколько часов с людьми, знающими местность. Одного пленённого брата нашли живым. Второго, Лутгера, — мёртвым. Нападавшие ушли.

В Немецком доме несколько дней говорили только об этом. Смерть Петера особенно тяжело ударила по тем, кто не носил белого плаща и не назывался братом. Он был наёмным возницей, но проработал с общиной почти год. Его вдова пришла утром после известия, держа за руки двух детей. Гернот не смог смотреть ей в лицо. Сибранд понял, что старое деление на «наших» и «работающих у нас» слишком удобно до первой смерти. Петер погиб из-за груза Немецкого дома, и ответственность за его семью нельзя было закончить выплатой последних денег. Братья решили помогать вдове столько, сколько потребуется, хотя никакое правило этого ещё не требовало.

Женщина не просила мести. Она спросила, почему Петер поехал именно в тот день и было ли ему страшно. На первый вопрос Сибранд мог ответить: потому что нужна была мука. На второй — нет. Его особенно мучило, что в книге хозяйственных расходов смерть могла выглядеть следствием обычной поездки, строки между покупкой масла и ремонтом колеса.

Для семьи никакой обычной поездки больше не существовало. Это ещё раз показало разницу между взглядом учреждения и жизнью отдельного человека. Этот случай изменил и книгу памяти. Туда внесли не только Лутгера, но и Петера. Гернот написал рядом коротко: «служил дому». Сибранд одобрил. Дом, который помнит только людей с правильным титулом, очень быстро начинает путать должность с человеческой ценностью.

Гернот потребовал найти виновных и отомстить. Сибранд не спорил с самим чувством — он испытывал то же. Вместо этого заставил Гернота назвать хотя бы одного человека, которого можно уверенно считать нападавшим, и указать, где тот находится. Ответов не было. «Тогда сначала найди виновного. Гнев очень любит назначать его раньше доказательств», — сказал Сибранд. Гернот ушёл злой. Сибранд понимал его именно потому, что собственному желанию в тот момент доверял не больше. Через несколько дней собрали братьев. Генрих из Швабии предложил создать постоянную группу вооружённой защиты.

Маттиас тем временем медленно приходил в себя. Сибранд несколько раз пытался спросить его о нападении, но понял, что память раненого не складывается в точную картину. Человек помнил крики, удар, лицо одного нападавшего и совершенно не мог сказать, сколько их было. Это стало ещё одним уроком. После насилия люди хотят ясной истории: кто напал, сколько, почему, что следовало сделать. Реальный свидетель часто приносит обрывки. Решения приходится принимать на неполном знании.

Одо, которого вытащили из плена, несколько недель не хотел выходить за ворота. Он не был трусом; раньше спокойно ездил по дорогам. Теперь вздрагивал от резкого крика и просыпался ночью. Генрих из Швабии не заставлял его сразу вернуться в охрану. Для части молодых рыцарей это выглядело излишней мягкостью. Сибранд поддержал Генриха. Вооружённая служба, если она станет обязанностью Ордена, не должна обращаться с человеком как с повреждённым копьём, которое либо чинят, либо выбрасывают. Не случайное сопровождение из тех, кто сегодня свободен. Людей, для которых охрана будет установленной обязанностью. На этот раз Сибранд не возражал против самого принципа.

Он спросил:

— Что именно они имеют право защищать?

Так разговор впервые перешёл от наличия меча к границам его применения. Дом. Больных. Паломников под покровительством братства. Братьев на дороге. Имущество в пути. Но не использовать оружие для взыскания долгов и хозяйственных споров. Не превращать преследование нападавших в месть после исчезновения угрозы, если нет основания считать, что они продолжают угрожать другим. Решения были несовершенными. Дорога не даст времени открыть книгу и найти нужный пункт. Поэтому человеку, отвечающему за охрану, всё равно приходилось доверять.

Этим человеком стал Генрих из Швабии. Сибранд спросил, означает ли это, что тот становится командиром. Генрих предложил более привычное слово — «ответственный», но оба понимали: название уже не меняет сути. Появилась постоянная вооружённая группа и человек, который принимает решения в дороге, когда созвать совет невозможно. Сибранд усмехнулся собственной прежней привычке спорить прежде всего со словами. Вооружённых братьев отбирали не только по умению драться. Генрих настоял на спокойствии и способности держать строй. Сибранд добавил ещё одно условие: прежде чем человек получает постоянную вооружённую обязанность, он должен пройти обычное служение в доме.

Первая тренировка выглядела почти смешно по сравнению с двором храмовников. Разные щиты, разная длина копий, три хороших коня и несколько посредственных. Генрих поставил телегу в центре двора и велел братьям учиться не атаковать, а закрывать её с разных сторон. Гернот изображал раненого и громко жаловался, что роль ему не нравится. В первый час двое столкнулись, один оказался слишком далеко, другой в решающий момент развернул коня так, что оставил повозку открытой.

Сибранд смотрел и постепенно успокаивался. Они не создавали отряд для красивой атаки. Учили людей сохранять то, что должны довести или вернуть. Защитная логика была встроена в саму тренировку. Генрих также запретил преследование условного противника после того, как «повозка» оказывалась в безопасности. Молодые рыцари ворчали: инстинкт требовал победить нападающего. Генрих заставлял возвращаться.

Через несколько недель новый порядок впервые сработал без боя. На дороге группу остановили вооружённые люди и потребовали плату. Братья не напали. Просто перестроились вокруг телеги и ясно показали, что лёгкой добычи не будет. После короткого спора дорогу освободили. Когда Генрих рассказал, Сибранд понял, что сила иногда лучше всего исполняет задачу именно тогда, когда остаётся неиспользованной.

— Чтобы умел мыть больного? — спросил молодой рыцарь.

— Чтобы помнил, кого защищает, — ответил Генрих.

Сибранд посмотрел на него с одобрением.

Оружие начали покупать и принимать как имущество братства. Сначала щиты, копья, кольчуги. Потом в книге Гернота появилась строка:

«Меч — один. Передан дому умершим братом». Сибранд задержал взгляд. Граница была перейдена без торжественности. Теперь оружие принадлежало не только людям, которые служили в госпитале. Оно принадлежало самому дому. В конце 1197 года вооружённая защита уже являлась постоянной частью жизни. Братья тренировались. Сопровождали. Проверяли опасные участки дорог. Иногда само присутствие чёрных — пока ещё не орденских по знаку, а просто вооружённых — людей предотвращало нападение. Сибранд больше не повторял старый спор о том, должен ли госпиталь иметь меч. Вопрос был решён обстоятельствами. Теперь его занимало другое: кто и как сделает так, чтобы меч оставался подчинён служению. Именно с этим вопросом Немецкий дом подошёл к 1198 году.

ГЛАВА 10

РЕШЕНИЕ

Весной 1198 года стало невозможно продолжать жить так, будто вооружённая часть братства появилась случайно. Немецкий дом сохранял госпиталь. Больных принимали. Земли и пожертвования обеспечивали постоянный доход. Но рядом существовала группа братьев, чья обязанность была связана с оружием, сопровождением и защитой. Они тренировались, подчинялись Генриху из Швабии в дороге и пользовались снаряжением, принадлежавшим общине. Форма отставала от жизни. Пока это было внутренней проблемой. Затем стало внешней. Люди, имевшие отношение к немецкому братству, церковным властям и старшим духовно-рыцарским орденам, всё чаще задавали вопрос: чем именно является Немецкий дом? Ответ «госпиталь с охраной» уже не описывал действительность. Весной, на фоне завершавшегося Германского крестового похода, вопрос был вынесен открыто.

Сибранд настоял, чтобы сначала говорили сами братья. Собрались в большом помещении дома. Теперь их было достаточно, чтобы не всем хватило места на лавках.

В комнате чувствовалась разница поколений. У стены сидели те, кто помнил паруса и осаду; ближе к двери стояли молодые братья, вступившие уже в каменный Немецкий дом. Для первых вооружённая служба была поздним дополнением к госпиталю. Для вторых — частью реальности, которую они застали готовой. Один и тот же вопрос поэтому звучал для них по-разному. Старшие спрашивали, не потеряют ли начало. Молодые — почему форма до сих пор не соответствует тому, что они уже делают. Сибранд впервые увидел, что память сама создаёт политическую позицию. Люди спорили не только о будущем, но и о том, какую версию прошлого считают исходной. Он сознательно не пытался использовать авторитет свидетеля. Тот, кто помнит начало, не получает вечного права определять всё последующее.

Бернхард, один из старых госпитальных братьев, выступил против превращения.

— Я пришёл сюда лечить. Если сделаем войну частью призвания, она со временем потребует больше людей и денег, чем госпиталь.

Молодой рыцарь возразил:

— Война уже рядом. Если мы не защищаем дорогу, больной до нас не доедет.

— Защищать можно и без того, чтобы делать меч частью обета.

Генрих из Швабии слушал дольше остальных. Когда заговорил, многие ожидали безусловной поддержки военной формы.

Он сказал другое:

— Я за преобразование, только если будет ясно: рыцарь не становится выше брата у больничной постели. И вооружённая служба не освобождает от общей жизни дома.

Сибранд посмотрел на него с некоторым удивлением. Генрих заметил.

— Что?

— Ничего. Продолжай.

Разговор был долгим. Не спором мирных людей с воинственными. Почти все уже признавали необходимость защиты. Разница заключалась в том, готовы ли они превратить её из практической меры в религиозную обязанность.

Конрад сформулировал один из доводов в пользу перемены:

— Пока брат берёт меч как частный рыцарь, им управляют его собственная честь, привычка и решение. Если меч становится частью службы, он должен подчиняться общему правилу.

Бернхард ответил:

— Общее правило тоже может ошибаться.

— Может. Но тогда хотя бы известно, кто отвечает.

Сибранд понял, что именно это изменилось в его собственном взгляде. Он больше больше не видел спасения в том, чтобы не называть вооружённую службу своим именем. Неназванная власть не становится менее реальной. Он встал ближе к концу.

— Под парусами у нас не было общего меча. Не потому, что мы были мудрее. Он был не нужен. Теперь нужен. Я не хочу делать вид, будто этого нет. Но если мы признаем вооружённую службу, то должны помнить: меч берётся не ради того, чтобы Орден стал важнее. Он берётся, когда без него человек, которому мы служим, остаётся без защиты.

Никакой торжественной реакции не последовало. И хорошо. Решение было слишком серьёзным, чтобы его подтверждать криком. Большинство согласилось. После внутреннего решения последовали встречи с представителями церковных властей и старших орденов. Сибранд ожидал больше торжественности и получил обсуждение деталей: по какому правилу будут жить рыцарские братья, как соотнести военную дисциплину с госпитальной традицией, какие обеты и обязанности должны быть едины. Его почти развеселило, что событие, которое легко было бы позже свести к одному громкому дню, на практике состояло из уточнений, поправок и людей, спорящих о формулировках.

Особенно важным было влияние двух старших моделей. От иоаннитов немецкие братья брали госпитальную основу; от храмовников — нормы военной жизни. Сибранд настоял, чтобы это не понимали как разделение на две половины. Если рыцарская часть живёт по одной логике, а госпитальная по другой, Орден рано или поздно распадётся внутренне. Общая молитва, общая собственность и единая власть должны были связывать разные виды службы сильнее, чем различались их ежедневные обязанности. 5 марта 1198 года госпитальное братство преобразовали в духовно-рыцарский Орден. В принятой модели госпитальная деятельность ориентировалась на опыт иоаннитов, военная дисциплина — на традиции храмовников. Это не означало простого копирования: немецкой общине предстояло выработать собственную практику.

Для участников это не выглядело внезапным переворотом. Внешняя церемония и формулировки лишь собирали в одно целое то, что несколько лет возникало по отдельности. Госпиталь оставался. Вооружённые братья уже существовали. Имущество было общим. Дисциплина формировалась. Новым стало признание: теперь эти элементы принадлежат одной религиозной форме и не считаются временными исключениями. Сибранд внимательно наблюдал за реакциями. Старые братья были серьёзны и скорее насторожены. Молодые рыцари скрывали удовлетворение хуже. Один прошептал другому, что теперь Немецкий дом станет настоящим Орденом. Сибранд услышал и остановился.

— Настоящим он был, когда под парусами не хватало воды. Сегодня он становится другим. Не путай.

Юноша смутился. Сибранд не хотел унижить его. Ему было важно пресечь представление, будто военная форма повышает достоинство прежнего служения. Если новая ступень будет восприниматься как переход от низшего к высшему, госпитальная работа неизбежно станет второстепенной. В тот же вечер он специально прошёл через палаты. Ничего не изменилось: человек с лихорадкой хотел пить, старик просил помочь повернуться, повязка на ране промокла. Сибранд почувствовал облегчение. Большое решение не отменило простых обязанностей. Именно в этом он видел единственный безопасный способ пережить преобразование. Сибранд ожидал, что на следующий день всё будет ощущаться иначе. Не ощущалось. На кухне не хватило муки. У больного поднялся жар. Гернот спорил с хозяйственником о расходах. Генрих проверял седло. Один рыцарь опоздал к дежурству в госпитале.

Решение сразу потребовало ответа на практический вопрос.

Рыцарь сказал:

— Теперь моя главная обязанность — военная.

Сибранд уже собирался ответить, но Генрих из Швабии опередил:

— Нет. Твоя обязанность — служба Ордена. Сегодня ты нужен здесь.

Молодой человек хотел спорить.

Генрих добавил:

— Если не умеешь держать чашу у губ больного, рано держать меч от его имени.

После этого установили испытательную практику для рыцарских кандидатов: каждый должен пройти обычную работу в доме. Не символическую. Настоящую. Некоторые уходили.

Один дворянин прожил неделю и заявил:

— Я прибыл воевать.

Сибранд ответил:

— Тогда ты ошибся домом.

Не все братья поддержали такую жёсткость. Но правило сохранили. В преобразовании была ещё одна проблема: новая форма требовала признания извне. Внутреннее решение могло организовать жизнь братьев, но не давало автоматически церковного статуса, сравнимого с другими орденами. Рим должен был сказать своё слово.

Прежде чем это случилось, требовалось решить вопрос внешнего знака. Немецкое братство стало рыцарским Орденом. Теперь мир должен был научиться узнавать его.

ГЛАВА 11

ЧЁРНЫЙ КРЕСТ

Знак родился прозаично. Нужна была одежда, по которой брата можно узнать в дороге и в городе. Храмовники носили белые плащи с красным крестом. Немецкий Орден перенял белый плащ, но знак должен был отличаться. Чёрный крест оказался простым и хорошо видимым. Гернот принёс первый плащ в комнату, где находились Сибранд, Конрад и Генрих из Швабии. Сибранд осмотрел.

— Слишком новый.

Гернот вздохнул и спросил, что не так с первым новым плащом. Сибранд ответил, что с ним всё в порядке — просто через месяц плащ станет лучше: перестанет выглядеть церемониальной вещью и станет похож на одежду, в которой действительно работают. Чёрный крест быстро изменил поведение не братьев, а окружающих.

Первые дни сами братья носили новую одежду неловко. Кто-то поправлял плащ слишком часто, другой боялся испачкать, третий, наоборот, демонстративно обращался с ним как с любой тканью. Потом привычка сгладила эту неестественность. Белое быстро стало сероватым от городской пыли, края потёрлись, на одном плаще появилась заплата. Именно тогда знак перестал выглядеть театральным. Он вошёл в работу.

Для Сибранда это было важнее любых толкований цвета. Он не хотел, чтобы братья начинали служить изображению вместо людей. Но постепенно понял и обратное: человеку легче помнить обязанность, когда она имеет видимую форму. Плащ напоминал о принадлежности даже тогда, когда рядом не было старшего, способного спросить за поступок. До этого на дороге люди видели группу вооружённых немцев. Теперь видели Орден. На рынке спрашивали человека «с чёрным крестом». Паломники узнавали сопровождение издали. Купцы начали ставить знак рядом с грузами, предназначенными для Немецкого дома. Символ сокращал объяснение. И создавал новую ответственность. Первый серьёзный конфликт возник на рынке. Молодой брат в плаще поссорился с торговцем из-за цены. Торговец позволил себе насмешку над новым Орденом. Брат толкнул его.

Именно поэтому виновный должен был возместить разбитый сосуд и извиниться без плаща: унился он сам, а не знак, который носил.

Через несколько месяцев чёрный крест появился и на повозках. Сначала Гернот предложил ставить знак только на грузы, принадлежащие дому, чтобы их не путали в гавани. Потом один из братьев нарисовал его на щите. Для Сибранда это оказалось неожиданно сильным зрением. На плаще крест обозначал принадлежность человека к общине; на щите он становился видимым знаком вооружённой силы. Тот же символ переходил от палаты к дороге, от молитвы к строю. Именно это соединение и было новой сущностью Ордена.

Сибранд не запретил. Практическая польза была очевидна: в столкновении братья должны узнавать своих. Но после этого потребовал отдельный учёт оружия и снаряжения, принадлежащего уже не рыцарям лично, а Ордену. Гернот завёл новую страницу. Несколько строк — щиты, копья, кольчуги — выглядели почти ничтожными. Сибранд понимал: значение не в количестве. Впервые сам знак общины закреплялся на вещах, созданных для боя. Через некоторое время появилась противоположная проблема. Купец прикрепил к белой одежде похожий чёрный знак, надеясь безопаснее пройти опасную дорогу.

— Работает, — сказал он, когда его привели.

Сибранд долго смотрел на самодельный крест. Доверие к символу уже имело стоимость. Купца отпустили после предупреждения, а право носить знак связали с формальным принятием в братство. Это изменило сам момент вступления. Раньше человек мог месяцами работать и постепенно стать одним из братьев. Теперь появилась ясная граница: испытание, обещание соблюдать правило, принятие в общину, одежда. Сибранд наблюдал за первым молодым человеком, получившим плащ после долгого служения. Тот выпрямился, будто ткань добавила ему рост.

После церемонии Сибранд сказал:

— Вчера ты был не хуже.

— Я знаю.

— Хорошо, если действительно знаешь.

Символ особенно нравился бедным братьям. Под одинаковым плащом издали хуже различались сын рыцаря и сын ремесленника. Богатым это иногда нравилось меньше.

Внутри дома быстро обнаружилось, что равенство одежды не уничтожает социальные привычки. Один рыцарь несколько раз просил служащего брата подать кувшин, хотя мог встать сам. Просьба по отдельности была невинной, но Сибранд заметил повторение. На третий раз он сказал: «Теперь сам». Рыцарь обиделся: тот сидел ближе. Сибранд ответил, что именно из таких удобных мелочей и вырастает уверенность, будто один крест на плаще означает разное достоинство на людях. После этого случая разговор о равенстве перестал быть отвлечённым.

В то же время полное стирание различий было бы ложью. Рыцарские братья имели обязанности, требующие подготовки, коней и оружия; священники — свои; служащие — свои. Сибранд постепенно перестал мечтать об общине, где все делают одно и то же. Его интересовало другое: разные обязанности не должны превращаться в разную человеческую ценность. Белый плащ помогал напоминать именно об общей принадлежности поверх различий, которые всё равно сохранялись. Вольфрам, рыцарь из Баварии, не хотел закрывать родовой знак.

— Мой отец носил его. И дед.

— Никто не требует забыть отца, — ответил Сибранд. — Но когда действуешь от имени Ордена, люди должны прежде видеть, чьё поручение исполняешь, а не из какого рода родился.

Компромисс нашли. Личные знаки не исчезали полностью, но общий плащ имел первенство в орденской службе. Вскоре крест появился на щитах. Сибранд задержался у первого.

— Это твой? — спросил Генриха из Швабии.

— Ордена.

Слово прозвучало иначе, чем несколько лет назад. Теперь и щит принадлежал не человеку. Чёрный крест соединял госпиталь и вооружённую службу в одном образе. В этом была сила и проблема. Для больного в Акре крест означал помощь. Для человека на дороге — вооружённых всадников. Для дарителя в Германии — духовный Орден, признанный Церковью. Один знак собирал разные смыслы. Сибранд больше не пытался определить единственное «правильное» значение. Он требовал другого: поведение братьев должно делать знак достойным доверия. Однажды ночью загорелась хозяйственная постройка. Все выбежали кто в чём. Без плащей. Рыцари передавали ведра вместе со служащими. Гернот распоряжался водой. Конрад кашлял от дыма, но не уходил.

Пожар потушили. Утром несколько плащей оказались испачканы сажей.

Гернот расстроился:

— Не отмоются полностью.

Сибранд посмотрел.

— Хорошо.

— Почему?

— Теперь видно, что их носили.

В хранилище рядом с новыми документами всё ещё лежал кусок старого паруса. Сибранд однажды положил возле него плащ с чёрным крестом. Два предмета выглядели так, будто принадлежали двум разным эпохам одного дома. На самом деле между ними было восемь лет. Парус — причина. Плащ — форма. Сибранд больше не считал форму врагом. Без неё братство не переживёт первое поколение. Но он хотел, чтобы причина не исчезла под белой тканью. Следующим вопросом стало руководство. У Ордена уже был знак, общее имущество и два главных вида служения. Теперь требовался человек, чья власть охватывала бы всё целиком.

ГЛАВА 12

ГЕНРИХ ВАЛЬПОТ

После превращения в рыцарский Орден старый способ управления начал мешать даже тем, кто привык к нему. Купец мог полдня искать человека, имеющего право окончательно договориться о поставке. Военный вопрос решал Генрих из Швабии, госпитальный — одни братья, хозяйственный — другие. Важное дело отправлялось «к старшим», но внешнему миру

нужен был не круг знакомых лиц, а должность. Среди кандидатов всё чаще называли Генриха Вальпота.

Само появление постоянного магистра означало ещё одну перемену в логике братства. Раньше авторитет рождался из опыта: люди слушали Сибранда, потому что он был рядом с начала; Генриха из Швабии — потому что тот понимал охрану; Гернота — потому что никто лучше не знал запасы. Теперь требовалась власть, которую признают даже тогда, когда конкретный брат не согласен с решением и не считает человека лично более опытным. То есть власть должности. Сибранда это тревожило сильнее самого выбора Вальпота. Личный авторитет можно потерять после плохого решения. Должность продолжает требовать послушания. Поэтому спор о полномочиях он считал не занудством, а одной из важнейших защит нового Ордена.

Он уже был известен братьям как человек управления. Не самый яркий рыцарь и не лучший оратор. Его отличало другое: способность превращать договорённость в работающий порядок. Сибранд относился к нему настороженно. Однажды Вальпот потребовал учитывать в реестре не только лошадей Ордена, но и личных коней братьев, постоянно используемых в службе.

Когда Вальпот предложил учитывать даже личных коней братьев, если те используются для общей службы, Сибранд возразил: они не принадлежат Ордену. Вальпот именно поэтому и хотел фиксировать владельца — чтобы через несколько лет привычное использование не превратилось в ложную память о собственности. Такой ответ Сибранду был неприятно близок. Сибранд замолчал. Не любил, когда человек отвечал точно в его собственную тревогу. На капитуле кандидатуру обсуждали без Вальпота. Генрих из Швабии снова отказался от возможного руководства.

— Я отвечаю за оружие. Если поставите меня над всем, через год сами будете спрашивать, почему каждый вопрос решается как военный.

Сибранд оценил честность. Его самого тоже называли, скорее из уважения к началу. Он отказался.

— Я слишком долго спорю с будущим. Магистр должен ещё и строить его.

Вальпот узнал об обсуждении раньше официального приглашения.

— Если несколько дней люди замолкают, когда я вхожу, — сказал он, — это либо заговор, либо должность.

Сибранд усмехнулся.

— Ты хочешь?

Вальпот не ответил сразу.

— Какие полномочия?

Вот почему его и выбирали. Прежде чем принять название, он хотел знать границы. Несколько дней братья определяли основу власти магистра. Он представляет Орден, руководит текущими делами, следит за правилом, назначает людей там, где это допускается, принимает срочные решения. Но важнейшие вопросы имущества, долгосрочной войны и изменения основного устройства не должны зависеть только от одного человека.

— А если магистр решит, что всё относится к его срочным полномочиям? — спросил Сибранд.

Вальпот ответил:

— Тогда братья выбрали плохого магистра и должны иметь способ его остановить.

После этого Сибранд перестал возражать против кандидатуры. Генрих Вальпот стал первым магистром уже рыцарского Ордена. Само избрание прошло проще, чем позже могли бы представить люди, привыкшие к пышным рассказам. Никто не ждал знамения. Несколько братьев кашляли после сырой погоды, у двери всё время появлялся помощник из госпиталя, а Гер-

нот в какой-то момент обнаружил, что приготовил мало чернил для записи решения. Сибранду эта обыденность понравилась. Должность создавалась не ради спектакля, а ради работы.

После молитвы Вальпот не пытался изображать смирение фразой о собственном недостойнстве. Он просто принял. Для Сибранда это было убедительнее. Если человек действительно уверен, что не способен нести власть, лучше отказаться, чем превращать принятие должности в красивое самоотрицание. Вальпот же сразу начал говорить о конкретных обязанностях, и это соответствовало всему, что братья знали о нём раньше.

Его первые действия оказались настолько неторжественными, что разочаровали часть молодых братьев: на следующий день новый магистр проверял земельные записи и поставки зерна. Сибранд поддел его, заметив, что после избрания обычно ждут речи, а не проверки мешков и договоров. Вальпот ответил, что именно поэтому и начинает с них. Торжественного обращения он не готовил, но несколько слов всё же сказал — и не о славе.

— Мы слишком малы, чтобы считать себя великими, — сказал он. — Но уже достаточно велики, чтобы причинить много вреда плохим управлением. Сначала научимся отвечать за то, что имеем.

Вальпот быстро столкнулся и с внешней стороной должности. Люди, которые прежде разговаривали с несколькими старшими братьями, теперь искали одного магистра. Дарители адресовали письма ему, купцы просили его подписи, представители других орденов приглашали именно его. Сибранд наблюдал, как лицо человека постепенно становится лицом учреждения, и считал это неизбежной, но опасной особенностью власти. Вальпот, кажется, понимал. На одном из приёмов богатый паломник сказал, передавая деньги: «Это вам, магистр». Вальпот поправил: «Ордену». Человек не увидел разницы. Сибранд увидел. Если магистр сам перестаёт различать личное и должностное, никакая книга имущества уже не спасёт.

При нём укрепилось правило, важное для баланса внутри Ордена: рыцарские братья не освобождаются от госпитальной службы. Даже магистр время от времени сам приходил помогать. Однажды Сибранд застал Вальпота с ведром и напомнил, что для этого есть помощники. Тот только пожал плечами: вода не знает, кто магистр. Внутри дома подобная педантичность могла выглядеть смешной, но именно она удерживала границу между человеком и должностью. Орден становился субъектом права, способным получать землю и обязательства независимо от жизни конкретного магистра. Вальпот особенно занимался отношениями с Римом. Внутреннее преобразование 1198 года нуждалось в ясном папском подтверждении. Собирали прежние грамоты, сведения о собственности, описание новой формы службы.

Сибранд спросил Вальпота, боится ли тот отказа Рима. Магистр не стал изображать уверенность: да. Без подтверждения Орден рисковал оказаться между двумя состояниями — уже слишком военным для прежнего положения госпитального братства и недостаточно признанным для нового. Римское решение поэтому было не украшением. Оно должно было закрепить юридически то, что братья уже сделали в жизни. Пока документы шли на Запад и обратно, Вальпот продолжал строить управление. Именно при нём Сибранд впервые почувствовал, что может не знать обо всех текущих делах Ордена — и это не означает беспорядка. Ощущение оказалось одновременно неприятным и освобождающим.

Однажды Сибранд признался Вальпоту, что ловит себя на раздражении, когда решения принимают без него, даже если они разумны. Магистр не стал успокаивать: важнее было то, что Сибранд сам заметил эту реакцию. Для человека, стоявшего у начала, опасность заключалась именно в незаметном превращении памяти в право последнего слова. Вальпот помолчал.

— Людям, стоявшим у начала, трудно понять, когда учреждение перестало быть продолжением их личной памяти.

Сибранд посмотрел на него.

— Ты неприятный человек.

— Мне говорили.

К концу 1198 года Орден уже был внутренне оформлен достаточно, чтобы папская грамота могла подтвердить не замысел, а уже живущий и действующий Орден. Ответ из Рима пришёл в начале следующего года.

ГЛАВА 13

РИМСКАЯ ПЕЧАТЬ

19 февраля 1199 года папа Иннокентий Третий подтвердил новую рыцарскую природу Немецкого Ордена. Письмо в Акре читали несколько раз. Сначала на латыни. Потом Конрад объяснил смысл братьям на немецком.

Гернот спросил:

— Значит, теперь всё окончательно?

Сибранд улыбнулся.

— Для тебя любое новое правило всегда последнее.

Папская грамота не создавала Орден заново. Он уже носил чёрный крест, имел рыцарских братьев, магистра и вооружённую службу. Но теперь внутренняя форма получила внешнюю церковно-правовую опору.

Сибранд сравнивал эту грамоту с документом Климента Третьего восьмилетней давности. Первый пришёл к общине, которая ещё стояла под парусами и сама не знала, переживёт ли осаду. Второй подтверждал Орден, уже имевший имущество, старших и собственный меч. Между двумя печатями помещалась почти вся их молодость. Он неожиданно предпочитал первый документ: в нём было больше риска и меньше уверенности. Гернот считал второй важнее, потому что тот давал больше возможностей. Их спор не закончился, но хорошо показывал разницу поколений.

Папская канцелярия не могла заранее решить будущие конфликты, и Вальпот подчёркивал это. Право Ордена существовало внутри более широкого права Церкви и светских владений, а не вместо него. Такая позиция раздражала братьев, мечтавших, что признание наконец избавит их от бесконечных юридических оговорок. На деле произошло обратное: чем больше прав приобретал Орден, тем точнее приходилось понимать их границы. Для дарителя это означало, что имущество передаётся не случайной группе людей.

Письмо Иннокентия Третьего читали в доме не как магическое благословение, после которого любая проблема исчезает. Старшие слишком хорошо знали, сколько спорных вопросов остаётся за пределами одной грамоты. Но для нового поколения документ стал важной точкой самоопределения. Теперь они могли вступать в общину, уже имеющую признанное место в церковном порядке, а не участвовать в эксперименте, исход которого неизвестен. Это меняло само вступление: первые братья создавали дом собственными руками; новые приходили туда, где правило, имущество и власть уже существовали. Сибранд видел в этом и преимущество, и риск. Устроенный дом легче привлекает достойных людей, но вместе с ними приходит тот, кто хочет готовой чести. Поэтому испытательный срок и обычная работа в госпитале приобрели ещё большее значение.

Для брата — что его община признана Церковью. Для внешнего противника в споре — что перед ним уже не случайная группа людей, а Орден, чьи права можно защищать не только силой и памятью свидетелей. Первый эффект проявился в имущественном споре. Родственник одного дарителя попытался оспорить передачу земли. Его представители говорили уверенно, пока спор выглядел как конфликт с местным немецким домом. Когда Вальпот представил полный ряд документов и церковных подтверждений, тон стал осторожнее. Папская печать не сделала Орден автоматически правым. Но заставляла другую сторону признавать, что спор имеет правовую форму.

Один молодой брат после этого сказал:

— Теперь право на нашей стороне.

Вальпот ответил:

— Папа признал Орден. Он не объявил правильным каждое решение, которое мы когда-нибудь примем.

Сибранд запомнил. Эта мысль была особенно необходима именно после успеха. Грамоту поместили в отдельный ларец вместе с прежними папскими документами. Гернот предложил два ключа у разных людей, чтобы один человек не распоряжался важнейшими бумагами без свидетеля. Сибранд одобрил. Орден всё чаще защищал себя не оружием, а записью. В том же году увеличился поток новых кандидатов и пожертвований. Теперь о Немецком Ордене слышали далеко за пределами Акры. Папское признание делало его привлекательнее для немецких дворянских семей, купцов и духовных лиц. Это принесло новую проблему.

Папское признание сделало Орден привлекательным не только для людей, искавших служение, но и для семей, видевших в нём достойную судьбу для младших сыновей. В Акру стали приходить кандидаты с рекомендациями, хорошими конями и заранее сшитой уверенностью, что происхождение почти решило вопрос. Сибранд относился к ним особенно жёстко не из неприязни к дворянству, а потому, что боялся постепенного превращения братства в закрытый военный круг, где госпитальная традиция будет декоративной.

Один молодой дворянин выдержал испытание неожиданно хорошо. Первые дни его тошнило от запаха тяжёлых ран, но он не ушёл. Через месяц уже помогал Герноту разгружать ткань и не пытался напоминать, кто его отец. Сибранд поймал себя на обратной предвзятости: он ожидал высокомерия только из-за происхождения. Это тоже стало уроком. Правило необходимо именно затем, чтобы судить человека по поступку, а не по заранее придуманной категории. Отец привёз младшего сына с рекомендациями и предложением значительного дара.

— Он хочет вступить, — сказал отец.

Сибранд посмотрел на юношу.

— Он сам скажет.

Молодой человек хотел скорее выполнить волю семьи, чем стать братом. Его оставили на испытание, но землю и вступление принципиально рассматривали отдельно. После этого в доме ещё строже разделяли дар и вступление: белый плащ не должен был становиться вещью, которую семья покупает землёй. Папская печать расширяла и географию имущества. Всё чаще землю давали в Европе. Доход мог поддерживать госпиталь и вооружённых братьев в Святой земле, хотя большинство живущих в Акре никогда не увидят сами владения. Сибранд ощущал, как удлиняется цепочка между источником и целью. Где-то немецкий крестьянин отдаёт часть урожая управляющему. Деньги проходят через дом Ордена. По морю превращаются в зерно, лекарства, лошадей, доски, металл.

В Акре больной получает пищу. Чем длиннее эта цепь, тем больше мест, где её можно исказить. Вальпот поэтому усиливал отчётность.

Сибранд шутил:

— Скоро половина Ордена будет проверять вторую.

— Лучше, чем если обе половины будут уверены, что их никто не проверяет.

Папская защита создавала ещё одну психологическую опасность. Молодые братья иногда воспринимали признание как доказательство моральной правоты всего, что делает Орден. Сибранд пресекал это особенно резко.

— Печать подтверждает право существовать. Совесть остаётся твоей обязанностью.

— А послушание?

— Не исчезает. Поэтому взрослому человеку и трудно.

Внутренняя жизнь тем временем становилась всё более орденской. Люди говорили уже не только «наш дом в Акре», а «Орден». Это слово предполагало возможность нескольких домов, далёких земель, людей, никогда не видевших друг друга, но подчинённых одному правилу и магистру.

Гернот однажды сказал:

— Дом здесь. Орден — везде, где наши братья.

Сибранд понял, что молодое поколение уже мыслит шире стены. Вальпот тоже видел эту перемену. Он начал выстраивать более точную связь с европейскими владениями и людьми, которые могли представлять Орден вдали от Акры.

— Если брат за морем даст обещание от нашего имени, — сказал он, — ошибка будет его. Долг — наш.

Так понятие общей ответственности вышло далеко за пределы госпиталя. Около рубежа столетий Вальпот тяжело заболел. Когда несколько дней не мог работать, выяснилось, что Орден способен продолжать дела и без ежедневного решения магистра. Порядок, который он выстраивал, впервые прошёл проверку. Сибранд сидел у его постели.

— Доволен?

— Чем?

— Они справляются.

Вальпот слабо улыбнулся.

— Значит, не зря раздражал всех бумагами.

Папская печать лежала в ларце. Но куда важнее было другое: теперь Орден должен был доказать, что способен пережить не только отсутствие магистра на несколько дней. Но и его смерть.

ГЛАВА 14

ПОСЛЕ ВАЛЬПОТА

Первый магистр умер около начала нового века. Точную дату в доме тогда никто не сделал главным вопросом. Для братьев важнее было проще: Генриха Вальпота больше нет. Смерть произошла без легендарной сцены. Болезнь усиливалась. Он всё меньше вставал, всё больше дел передавал. За несколько дней до конца Вальпот попросил собрать старших.

— Не сохраняйте мои решения потому, что они мои, — сказал он. — Сохраняйте то, что работает. Меняйте то, что перестало.

Потом отдельно напомнил о госпитале.

— Не держите его как память о начале. Он должен оставаться нужен живым.

Сибранд ответил:

— За себя обещаю.

— За будущих не можешь.

— Знаю.

После похорон возникла неприятная скорость жизни. Уже к вечеру требовалось отвечать на письма, принимать хозяйственные решения и назначать сопровождение. Сибранд ожидал, что эта деловитость покажется ему бесчеловечной. Вместо этого увидел в ней другое. Если бы после смерти Вальпота всё остановилось, это означало бы, что магистр построил зависимость от себя, а не Орден. Работа в день траура была не неуважением, а доказательством успешности его труда. Эта мысль не уменьшала печаль, но придавала ей иной смысл. Комната Вальпота несколько дней оставалась почти нетронутой. Затем бумаги разобрали, личные вещи распределили по правилу, а стол занял новый человек. Именно момент с пустым столом Сибранд запомнил сильнее погребения. Место власти физически существовало отдельно от того, кто вчера сидел за ним.

Орден не мог долго хранить пустое место во главе только потому, что уважал умершего. Собрали капитул. Вторым магистром избрали Отто фон Керпена.

Керпен не выглядел человеком, ожидавшим этого назначения. После решения он первым делом попросил список незавершённых дел Вальпота. Гернот принёс несколько листов. Новый магистр долго читал и только потом спросил, какие из них действительно срочные. Для Сибранда это был первый признак отличия: Вальпот стремился охватить всё, Керпен быстрее разделял важное и то, что может подождать.

Первые недели показали, что смена руководителя неизбежно меняет ритм даже при неизменных правилах. Братья привыкали к другой манере отдавать распоряжения, другим вопросам, иной степени доверия. Один старый брат несколько раз начинал объяснение словами «при Вальпоте...», пока Керпен спокойно не попросил сначала описывать проблему, а уже потом прежний способ решения. Он не отрицал прошлое; просто не хотел, чтобы имя умершего становилось аргументом сильнее причины. Керпен не стремился подражать Вальпому. Именно это оказалось полезным. Он быстрее доверял ответственным людям, чаще выезжал сам проверять владения и меньше любил лишние записи ради самих записей. Сибранд сначала пытался сравнивать.

Однажды сказал:

— Вальпот сделал бы иначе.

Отто ответил:

— Тогда хорошо, что вы избрали меня, а не его тень.

Сибранд замолчал. После этого старался не повторять сравнение без необходимости. При Керпене Орден впервые доказал главное: договор, начатый одним магистром, мог закончить другой. Земельное владение продолжало принадлежать Ордену. Папская грамота не меняла силы. Люди исполняли обязанности. Крест оставался тем же. Магистр больше не совпадал с самим Орденом. Это означало зрелость. Но преемственность не была простым сохранением. Отто принимал и другие решения.

Он расширил некоторые виды дорожного сопровождения, считая, что Орден способен защищать больше паломников и связанных с ними караванов. Сибранд возразил:

— Если вооружённая служба начнёт расти там, где есть любой спрос, она быстро найдёт себе собственную причину существовать.

Керпен не отменил идею, но ограничил её. Сопровождение должно быть связано с паломничеством, нуждами домов или защитой людей под орденским покровительством, а не превращаться в обычную платную военную услугу. Так споры продолжались, но уже на другом уровне. Не «быть ли Ордену», а «где проходит граница его службы». Керпен оказался особенно внимателен к правам зависимых людей на землях Ордена. В одном владении управляющий потребовал увеличить повинности, ссылаясь на якобы старое право. Документы были неясны. Отто решил оставить прежний размер до доказательства. Управляющий возмутился, что осторожность Керпена лишает Орден дохода. Новый магистр ответил, что применит право лишь тогда, когда будет уверен, что оно действительно принадлежит Ордену. Для Сибранда это решение стало важнее самой суммы: преемник Вальпота не путал наличие силы с обязанностью использовать её немедленно.

Сибранд одобрил. При Керпене умерла ещё одна часть ранней эпохи: личная память перестала быть основным способом передачи порядка. Молодые братья спрашивали, почему документ кладут именно так, почему рыцарю положено госпитальное дежурство, почему крупный личный дар принимают не сразу. Ответ «так делал Вальпот» постепенно сменялся объяснением причины. Это было здоровее.

Однажды Гернот сказал новому писарю:

— Так принято.

Сибранд услышал.

— Почему?

Гернот задумался и не вспомнил. Они выяснили. Оказалось, способ хранения защищал печати от повреждения.

— Вот теперь можешь говорить «принято», — сказал Сибранд. — Но если причина исчезнет, не поклоняйтесь форме.

Гернот усмехнулся:

— Вы всё-таки стареете.

— Потому что вынужден повторять очевидное молодым.

Однажды отсутствие Керпена проверило этот порядок лучше любого капитула. Магистр уехал по делу, которое должно было занять несколько дней, и почти сразу в Акре возник спор с поставщиком зерна. Тот утверждал, что прежняя цена больше не действует: корабль задержался, часть груза испорчена, новое зерно пришлось купить дороже. Гернот показывал запись. Поставщик показывал мокрые мешки и требовал либо доплаты, либо права увезти то, что ещё оставалось на повозках.

Раньше кто-нибудь неизбежно сказал бы: дожёмся магистра. Теперь ждать было нельзя. Хлеб требовался вечером. Старшие собрались без Керпена, сверили договор, осмотрели груз, выслушали двух купцов, знавших цены в гавани, и согласились оплатить часть разницы только за пригодное зерно. Остальное поставщик увёз. Никто не был полностью доволен. Именно поэтому решение показалось Сибранду разумным.

Когда Керпен вернулся, ему принесли записи. Он прочитал и спросил только:

— Почему столько времени?

Гернот объяснил, что спорили почти два часа.

— Я не о споре. Почему два дня ждали, чтобы сообщить мне?

— Думали, вы захотите проверить.

Керпен посмотрел на Сибранда.

— Если я должен заново решать каждое дело, которое без меня уже решено по правилу, зачем вы учились решать?

Сибранд неожиданно почувствовал облегчение. Не потому, что магистр одобрил именно это решение. Потому что впервые стало видно: власть может подтверждать самостоятельность других, а не только собирать её наверху. После этого Керпен начал чаще требовать не разрешения на мелкие действия, а отчёта о них. Ошибки не исчезли. Один управляющий потратил больше, чем следовало. Другой слишком поздно сообщил о долге. Но Орден всё меньше напоминал дом, где отсутствие одного человека превращает всех остальных в ожидающих детей.

К концу правления Керпена Орден расширил связи и владения, но не пережил резкого изменения природы. В этом и состояла роль второго магистра: показать, что Орден умеет не только возникнуть в бедствии, но и жить в обычных днях, когда ничего великого не происходит. Когда Отто умер в 1208 году, вопрос уже не звучал: переживёт ли его Орден?

Братья спросили:

— Кто следующий?

Для Сибранда в этой простой фразе было больше доказательства зрелости, чем в любом новом замке или дарении.

ГЛАВА 15

ТРЕТИЙ МАГИСТР

Генрих фон Тунна, прозванный Бартом, стал третьим магистром в 1208 году. Его правление оказалось коротким, и именно поэтому позднейшая память легко превращала его в промежуток между двумя именами. Для людей, живших рядом, никакого промежутка не существовало. Тунна был человеком настоящего времени.

В нём почти не было стремления оставить после себя особый почерк. Это сначала воспринималось как отсутствие большого замысла, но вскоре Сибранд увидел ценность переходного руководителя. После периода становления Ордену уже не требовалось каждую неделю доказывать собственную новизну. Нужно было научиться жить в днях, которые не попадут ни в одну летопись. Тунна спокойно занимался тем, что редко кажется достойным рассказа: проверял людей, выслушивал споры, возвращал плохо составленные отчёты, не позволял вооружённым братьям забирать больше денег и людей только потому, что их служба заметнее. Такое управление редко рождает легенду, зато не даёт Ордену незаметно измениться между двумя

крупными поворотами. Он не начал с реформ. Первые недели читал записи и разговаривал с ответственными за разные части Ордена.

Гернот жаловался Сибранду:

— Он спрашивает, почему здесь другая сумма, откуда взялся этот участок, кто проверял управляющего и почему письмо шло четыре месяца.

— Прекрасный человек.

— Вы просто не отвечаете ему каждый день.

В отличие от Керпена, Тунна особенно заинтересовался связью между Акрой и европейскими владениями. Он увидел проблему, которая будет только расти: Орден владеет землёй и получает доход в местах, которые магистр не может постоянно видеть.

— Если брат в Германии ошибся, — сказал Тунна на совете, — мы узнаем через месяцы. Если управляющий солгал — ещё позже. Значит, владение без связи может стать иллюзией контроля.

Так отчёты европейских домов стали воспринимать не как бухгалтерскую формальность, а как часть единства Ордена. Тунна также осторожно относился к военному расширению. Молодые рыцари всё чаще видели в папски признанном Ордене возможность больших походов.

Один сказал:

— Мы созданы для войны за веру.

Тунна спросил:

— Для любой войны, которую кто-нибудь назовёт войной за веру?

Рыцарь замолчал.

— Плащ не освобождает от необходимости понимать, зачем обнажаешь меч, — продолжил магистр.

Сибранд после этого разговора впервые почувствовал, что его собственная исходная тревога больше не принадлежит только ему. Её начали разделять и другие братья. Это позволяло ему самому измениться. Он всё реже выступал главным противником роста. Вместо этого задавал конкретные вопросы: кто отвечает, что гарантирует право, как решение повлияет на госпиталь, можно ли отказаться, если условия изменятся. Тунна ценил это.

— Ты стал менее неудобным, — сказал однажды.

— Плохо?

— Нет. Теперь неудобство точнее.

Короткое правление Тунны почти не давало материала для торжественного рассказа, зато хорошо показывало цену обычной, незаметной работы. Он не успел создать крупного владения или получить папскую привилегию, способную потом носить его имя. Зато при нём отчёты из далёких домов стали регулярнее, а братья привыкли воспринимать европейские земли не как абстрактный источник денег. Сибранд видел в этом важную подготовку к будущему, хотя никакого будущего плана ещё не существовало. В эти месяцы Сибранд всё чаще замечал одного брата, которого прежде видел скорее среди многих. Германа фон Зальца. Человека из Тюрингии. Он не старался говорить первым. Но Тунна иногда поручал ему разговоры с дарителями и людьми, интересы которых не лежали на поверхности.

Однажды предлагали крупное владение. Хозяйственник видел хорошую прибыль. Сибранд — слишком сложные обязательства. Тунна колебался.

Герман спросил:

— Что хочет даритель кроме молитв?

Оказалось, что тот находился в конфликте с соседом и надеялся через дарение получить в лице Ордена политического союзника. Владение приняли лишь после того, как ясно отделили имущественный дар от частной вражды. Сибранд нашёл Германа позднее.

— Хороший вопрос.

— Обычный.

— Именно обычные вопросы люди забывают рядом с хорошей землёй.

За несколько месяцев до болезни Тунне пришлось разбирать дело, которое отлично показывало его манеру. Один богатый даритель из германских земель обещал Ордену доход с небольшого владения, но вместе с даром просил принять в число братьев племянника. Молодой человек приехал в Акру уверенный, что решение уже куплено. Он неплохо ездил, умел обращаться с оружием и почти сразу спросил, когда получит плащ.

Тунна отправил его на обычное испытание. Через три дня молодой человек пожаловался, что его заставляют работать в госпитале, хотя семья передала Ордену имущество. Магистр выслушал и спросил, кому именно принадлежит дар — ему или дому.

— Дому.

— Тогда почему дом должен отдать тебе решение о собственных братьях?

Юноша покраснел. Потребовал вернуть пожертвование. Тунна ответил, что это зависит от условий дара, а не от его раздражения. Документы проверили. Дар был уже передан без такого условия. Племянник мог уйти. Имущество оставалось.

Сибранд ожидал большого скандала. Скандал действительно был, только далеко, в письмах. Тунна отвечал коротко: благодарность за помощь не превращает обет в товар. При этом он не отказался от самого молодого человека. Через месяц тот всё ещё был кандидатом — уже без уверенности, что ему что-то обязаны. Через два месяца сам попросил оставить ещё испытательный срок.

— Почему? — спросил Тунна.

— Чтобы понять, хочу ли я этого, если отец больше ничего не может купить.

Магистр кивнул.

— Теперь вопрос правильный.

Для Сибранда этот случай стал лучшим объяснением короткого правления Тунны. Тот редко создавал новое. Зато умел не позволить уже созданному незаметно превратиться в удобство для сильного человека.

Герман улыбнулся. Это было начало их особого способа разговора. Сибранд проверял цель. Герман — условия и интересы сторон. Тунна заметил в нём способность, которая выходила за пределы хозяйственного или военного опыта. Герман умел слушать человека так, чтобы понять не только сказанное, но и мотив. Однако никакого очевидного «наследника» ещё не существовало. Тунна сознательно избегал назначать преемника при жизни. Когда тяжело заболел в 1209 году, старшие спросили, кого он считает подходящим.

— Не назову.

— Почему?

— Если каждый уходящий магистр начнёт указывать следующего, выбор братьев очень быстро станет церемонией подтверждения чужой воли.

Сибранд одобрил. После смерти Тунны один молодой брат спросил, что тот успел сделать по-настоящему большого. Сибранд ответил не сразу. Для него ценность короткого магистерства заключалась как раз в отсутствии громкого перелома: Тунна передал Орден дальше, не заставив следующего начинать заново. Несколько месяцев внешне неброской работы оставили после себя налаженные отчёты, осторожное отношение к расширению и привычку проверять мотивы дарителей. Иногда этого для руководителя больше, чем достаточно. На новом капитуле впервые ощущалось: Ордену нужен человек не только для сохранения сложившегося. Масштаб задач менялся. Европейские владения росли. Связи с церковной и светской властью становились важнее. Рыцарский Орден всё меньше мог существовать как исключительно акрское учреждение.

Прозвучало имя Германа фон Зальца. Не единственное. Но постепенно вокруг него сложилось большинство. Когда Германа позвали, он пришёл из госпиталя, где у него было обычное дежурство. Конрад сообщил решение.

Герман спросил:

— Единогласно?

— Нет.

Он кивнул.

— Хорошо.

— Почему хорошо? — спросил кто-то.

— Значит, вы обсуждали человека, а не просто искали имя для должности.

ГЛАВА 16

ЧЕЛОВЕК ИЗ ТЮРИНГИИ

Герман фон Зальца начал магистерство в 1209 году с писем. Не с военной инспекции и не с торжественного объявления нового курса. Он попросил принести переписку с европейскими домами, дарителями, духовными лицами и людьми, через которых шли деньги и новые братья. Гернот принёс стопку.

За окном шёл обычный акрский день: с гавани доносились крики грузчиков, в нижнем дворе подковывали лошадь, из госпитального помещения дважды звали помощника. Эта обыденность особенно подчёркивала странность занятия нового магистра. Перед ним лежали листы из мест, которых не было видно даже с самой высокой городской башни, но решения, записанные там, уже влияли на еду, людей и возможности дома. Герман относился к расстоянию не как к препятствию, а как к задаче управления.

Он попросил Гернота принести карту, но хорошей карты, способной показать все владения, не оказалось. Пришлось перечислять дороги словами: море до Италии, дальше через земли князей и епископов, немецкие города, отдельные владения, дома и покровители. Герман слушал и время от времени отмечал, где связь зависит от одного человека или одного маршрута. Сибранд наблюдал и понимал: новый магистр думает не только о том, что принадлежит Ордену, но и о том, где его связи могут оборваться. Герман прочёл несколько писем и начал раскладывать.

Сибранд спросил, по какому принципу Герман раскладывает европейские письма. Тот разделил их не по странам и датам, а по интересам отправителей: одни действительно хотели что-то дать, другие — получить, третьи прикрывали просьбу щедрым предложением. Для части писем мотив пока оставался неясным, и Герман не пытался изображать понимание там, где его ещё не было. Сибранд улыбнулся. Герман смотрел на европейские владения иначе, чем его предшественники. Для Вальпота имущество было прежде всего объектом права и управления. Для Керпена — источником дохода и пользы. Для Тунны — частью сети, которую нужно удерживать связью. Герман видел за каждым владением отношения. Даритель. Его семья. Местный епископ. Светский господин.

Управляющий. Люди на земле. Дороги. Соседние владения.

— Земля сама по себе почти никогда не приходит одна, — сказал он.

Сибранд ответил:

— И проблема тоже.

— Именно поэтому нужно знать обе.

Новому магистру понадобился список не только собственности, но и способностей братьев. Кто знает языки? Кто понимает право? Кто бывал в Италии, Венгрии, Богемии? Кто умеет вести переговоры? Кто способен организовать поставки? Кто хорошо знает военную службу, но не годится для дипломатии?

Один рыцарь возмутился:

— Я брат Ордена, а не купеческий товар, чтобы меня записывали по качествам.

Герман ответил спокойно:

— Именно поэтому я хочу знать, где твоя служба будет полезнее всего.

Сибранд вмешался:

— Только не сделай полезных людей привилегированными.

Герман посмотрел.

— Вот для чего ты мне нужен.

Сибранд усмехнулся.

— Я не придворный советник.

— Тем лучше.

Первое заметное решение Германа касалось земли. Переговоры о небольшом, но выгодном владении были почти закончены ещё при Тунне. Герман отказался.

Хозяйственник настаивал на выгодном владении: даже после расходов оно оставляло доход. Герман возразил, что земля находится отдельно от остальных опор Ордена, а управление и защита права съедят не только часть денег, но и внимание людей. Внимание людей он уже считал такой же ограниченной вещью, как серебро или лошади. Денег можно было собрать больше, людей — призвать или нанять; способность следить за далёкими владениями оставалась конечной. Ему не нужны были случайные точки собственности. Он предпочитал владения, усиливающие уже существующее присутствие Ордена.

Сибранд сказал позже:

— Ты собираешь сеть.

— Я пытаюсь не растягивать её так, чтобы она порвалась.

Именно в этот период внутри Ордена начал меняться сам масштаб разговора. Ещё несколько лет назад спорили о том, нужен ли общий меч. Теперь обсуждали, как управлять домами в разных землях и какие отношения с князьями могут повлиять на будущее братства. Сибранд относился к политике с подозрением.

— Мы госпиталь, который стал Орденом, а не двор канцлера.

Герман ответил:

— Если наши люди, деньги и права зависят от решений князей и епископов, политика уже касается нас. Вопрос только в том, понимаем ли мы это.

Он всё чаще собирал новости из Европы. Не ради любопытства. Его интересовало, где меняются силы, какие границы беспокойны, какие правители ищут вооружённую помощь, где папская и светская власть вступают в спор.

Сибранд однажды спросил:

— Ты ищешь войну?

— Нет.

— Землю?

Герман подумал.

— Я ищу место, где все наши способности могут быть нужны одновременно.

Когда Герман описал место, где одновременно понадобились бы госпиталь, вооружённые братья, земля и собственное управление, Сибранд насторожился. Это уже было больше похоже не на отдельный дом, а на власть, привязанную к территории. Герман не спорил, но и не развивал мысль дальше: в 1209 году она ещё не стала программой. Пока существовало только понимание, что однажды Ордену могут предложить задачу шире обычного владения или госпиталя. Сибранд уже не отвергал такую возможность автоматически. За два десятилетия он научился отличать изменение формы от отказа от первоначальной причины.

Он сформулировал её для себя проще прежнего:

сильный в Ордене существует ради того, кто без него слабее. Всё остальное — земля, деньги, меч, папская печать — должно оправдываться этим направлением.

Однажды вечером у моря Герман заметил, что Сибранд слишком долго опасался не самого оружия, а силы, которая способна забыть своё назначение. Но у этой осторожности, добавил он, есть обратная сторона: Орден может так бояться собственной силы, что однажды откажется сделать то, что способен и обязан сделать ради других. Сибранд долго молчал. Раньше вопрос ставился иначе — как ограничить силу; теперь впервые пришлось спросить, не становится ли отказ от неё удобной формой бездействия.

Надёжного ответа у Германа тоже не было. Именно поэтому, считал он, крупные решения не должны зависеть от настроения одного магистра. Капитул, правило, церковное право, а иногда и подтверждение нескольких внешних властей нужны не только для усиления Ордена, но и как взаимные пределы. Сибранд впервые увидел в таком порядке не только лишние бумаги и ограничения, но и защиту от человеческой самоуверенности. Сибранд посмотрел на него внимательнее. Герман уже мыслил отношениями между несколькими центрами власти. Не выбирать навсегда одного покровителя, а создавать положение, в котором право Ордена подтверждается достаточно высоко и достаточно ясно. Пока это было лишь мышлением. Очень скоро оно понадобится на практике.

Сибранд всё чаще ловил себя на том, что спорит с Германом иначе, чем с прежними магистрами. Вальпоту он напоминал об опасности власти, Керпену — об опасности привычки, Тунне — о границах роста. С Германом приходилось обсуждать не отдельную опасность, а сам масштаб. Новый магистр был способен принять старый принцип и спросить, что он означает для значительно большей задачи. Это делало разговоры труднее: возражение нельзя было закончить простым «так мы не делали раньше».

Однажды Сибранд спросил напрямую, не мечтает ли Герман о собственной земле для Ордена. Тот не ответил сразу. Сказал только, что зависимость от чужой доброй воли всегда опасна, а полная независимость невозможна. Значит, дело не в том, чтобы никому не зависеть, а в том, чтобы права Ордена опирались на ясные договорённости и не могли исчезнуть от одного изменения настроения. Сибранд услышал в этом не мечту о государстве, а вывод из всей ранней истории братства: устное обещание слабее документа, местное право слабее гарантии, которую признают несколько властей. В хранилище Герман однажды нашёл старый кусок паруса.

— Тунна показывал, — сказал он.

Сибранд положил рядом белый плащ с чёрным крестом.

— Я всегда держал старое сверху.

— Почему?

— Чтобы новое помнило причину.

Герман переставил ткани рядом.

— Я бы не ставил одно над другим.

— Почему?

— Потому что нам придётся не выбирать между началом и будущим. Нести оба.

Сибранд не сразу принял ответ. Но запомнил. К концу 1209 года Сибранд всё реже узнавал в окружающем доме тот полевой госпиталь, который помнил под парусами, и всё же почти каждую новую черту можно было проследить назад до конкретной необходимости. Папская защита когда-то помогла общине не исчезнуть вместе с осадой; каменный дом заставил учиться владеть имуществом; дороги потребовали оружия; оружие — правила и подчинения; превращение 1198 года связало госпитальное служение с рыцарским, а римское подтверждение следующего года придало новой форме правовую устойчивость. Смерть трёх магистров научила ещё одному: власть можно передавать, не начиная дело заново.

Теперь во главе стоял человек, который видел в разбросанных домах, землях, письмах и знакомых не россыпь владений, а связанную сеть возможностей. Но никакой заранее начерченной дороги на север перед ним не лежало. Не существовало плана государства и тем более

готовой Пруссии в мыслях Ордена. Были лишь опыт нескольких десятилетий, привычка проверять дар прежде, чем принять его, и готовность услышать предложение, если оно когда-нибудь появится. На следующее утро Герман снова сидел над письмами. Сибранд вошёл.

— Что теперь?

— Проверяю, где наши права зависят от одного дарителя и нигде больше не подтверждены.

Сибранд остановился.

— Зачем?

Герман поднял глаза.

— Потому что если когда-нибудь нам предложат что-нибудь действительно большое, я хочу знать заранее, какие ошибки не следует повторять даже в малом.

Сибранд кивнул. Где и когда Ордену предложат такую землю, никто не знал. Но он впервые поверил, что при нынешнем магистре предложение не будет принято только потому, что выглядит щедрым. За окнами жила Акра. В госпитале просили воду. Во дворе звенело оружие. В порту разгружали корабли. Чаша и меч по-прежнему находились рядом. Только теперь между ними лежала Европа. И Герман фон Зальца начал учиться удерживать всё это в одном взгляде. Первая эпоха закончилась без фанфар и без новой страны на карте. У Ордена ещё не было собственного государства; было лишь новое зрение — способность искать место для служения значительно дальше стен Акры и одновременно помнить, что первым его домом был парус, натянутый над больным человеком.

ПОД ЧЁРНЫМ КРЕСТОМ

Книга первая. Когда крест стал мечом

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ОРДЕН ИЩЕТ ЗЕМЛЮ

1209–1225

Аксель Панцер

ГЛАВА 17

НАСЛЕДСТВО

Герман фон Зальца начал первое утро после избрания магистром с окна. Оно плохо закрывалось. Ночной ветер раскачивал ставню, петля скрипела, и каждый новый удар по камню мешал читать. Герман терпел почти четверть часа, потом встал, попробовал прижать дерево и позвал человека из двора.

— Сначала почините это.

Брат, пришедший за распоряжениями нового магистра, замер. Вероятно, ожидал чего-нибудь более достойного первого приказа.

— Ставню?

— Если я сегодня не могу закрыть окно, завтра мне всё равно придётся это сделать. Лучше сегодня.

Когда человек ушёл, Герман снова сел за стол. На нём лежало наследство трёх магистров: письма, списки имущества, отчёты из европейских домов, просьбы о деньгах, жалобы, незавершённые споры, обещания, данные прежними руководителями, и несколько дел, смысл которых невозможно было понять без людей, давно умерших.

Гернот принёс ещё одну стопку. На вопрос Германа, всё ли это, ответил коротко: нет. Герман и не ожидал другого.

Гернот поставил бумаги рядом. Он давно уже не был мальчишкой, считавшим полотнища под Акрой. Волосы у висков начали редеть, пальцы были в чернилах, а выражение лица человека, которому снова предлагают неправильную форму отчёта, стало почти постоянным.

— Я хочу полный список людей Ордена, — сказал Герман.

— Он есть.

— Есть список братьев. Мне нужны все: рыцари, священники, служащие, люди в госпиталях, управляющие европейскими землями, кандидаты. Кто где находится, что умеет, что не умеет, кто болен, кто слишком стар для дороги, кто знает языки.

Гернот посмотрел на него с осторожным одобрением.

— Это займёт время.

— Потому и начинаем сейчас.

Снаружи снова ударила ставня.

Гернот усмехнулся.

— Хорошо, что вы начали с главного вопроса.

Через час петлю исправили. Герман действительно счёл это хорошим знаком.

К полудню позвали во двор. Бертольда ударила лошадь. Не в бою. Не на дороге. Не во время героической службы. Обычная лошадь, раздражённая человеком, который подошёл слишком близко сзади, выбросила копыто и попала в бок. Когда Герман пришёл, Бертольд лежал на земле и пытался доказать, что может встать.

Сибранд, опустившийся рядом на колено, доказывал обратное.

— Не двигайся.

— Я дышу.

— Это не доказательство целых рёбер.

— Если сломано, всё равно уже сломано.

— Именно поэтому не помогай им дальше.

Герман увидел кровь на губе Бертольда и почувствовал внезапную, почти детскую злость на лошадь. Она стояла неподалёку и жевала, не испытывая ни раскаяния, ни политических последствий.

— Отнесите в госпиталь.

— Магистр, — начал Бертольд.

— Не спорь.

— Я только хотел сказать...

— Скажешь, когда Сибранд разрешит.

Бертольд посмотрел на старого брата.

— Тогда могу умереть раньше.

— Постарайся, — сухо ответил Сибранд. — Хоть отдохну.

Бертольда унесли.

Герман остался возле лошади.

— Я не хочу, чтобы он умер, — сказал он неожиданно.

Сибранд, поднявшись, посмотрел на него.

— Очень магистерское решение.

— Ты понимаешь.

— Понимаю.

Бертольд выжил. Несколько недель почти не вставал, потом ходил осторожно, сердился на собственное тело и злился на каждого, кто предлагал помощь. Герман заходил чаще, чем требовала должность, и каждый раз находил причину сделать вид, что оказался в госпитале по другому делу.

В бумагах прежних лет нашлось письмо. Старое настолько, что чернила побледнели. Мать умершего брата спрашивала, как умер её сын. На полях стояла пометка: «ответить». Ответа не было.

Герман долго держал лист.

Герман позвал Гернота и стал выяснять, кто должен был ответить матери, когда умер брат и известно ли что-нибудь о самой женщине. На два первых вопроса книга дала только дату — четыре года назад; на остальные Гернот ответить не смог.

Герман сел. Составил письмо сам. Сначала написал: «Просим простить задержку». Потом перечеркнул слово. Написал: «Просим простить наше молчание». Это было точнее. Он приказал поднять все подобные письма — от семей, от дарителей, от людей, которые доверили Ордену сына, имущество или просьбу и не получили ответа. Выяснилось, что таких больше, чем хотелось признавать.

— Мы не канцелярия князя, — сказал Гернот, просматривая стопку.

— Именно поэтому нельзя становиться хуже канцелярии князя.

Сибранд позже узнал и только кивнул.

— Хорошо.

— Ты сегодня щедр на похвалу.

— Не привыкай.

В эти недели Герман особенно внимательно смотрел на кандидатов. Двое отличались друг от друга так сильно, что казались примером, придуманным для проповеди. Христиан пришёл потому, что хотел воевать.

Он не говорил этого красиво.

— Я умею ездить. Оружие знаю. Хочу служить там, где оно нужно.

— В госпитале нужно мыть человека, который не может подняться, — сказал Герман.
— Это подходит?

Христиан растерялся.

— Я рыцарь.

— Пока нет. И даже если станешь — подходит?

Юноша помолчал.

— Если это служба.

— Проверь.

Его отправили к Бертольду.

Бертольд, узнав, кто будет помогать ему мыться, сказал:

— Значит, всё-таки умереть было проще.

Через несколько дней Христиан перестал морщиться от запаха лекарств и научился переворачивать раненого так, чтобы не причинять лишней боли. Он всё ещё хотел меч. Но уже меньше говорил о нём. Марквард пришёл по другой причине. Его привёз отец.

Землевладелец, желавший иметь сына в духовном Ордене и одновременно уверенный, что пожертвование даёт право выбирать судьбу ребёнка.

— Я уже передал дому землю, — сказал он Герману.

— Благодарим.

— Значит, вопрос решён.

— Какой?

Отец посмотрел, не понимая.

— Он вступает.

Герман повернулся к Маркварду.

— Хочешь?

Тот опустил голову.

Отец ответил за него:

— Разумеется.

— Я спросил не вас.

В комнате стало холоднее, хотя окно теперь закрывалось хорошо.

Марквард долго молчал, потом сказал:

— Нет.

Отец побледнел. Выяснилась Анна — дочь мельника, на которой Марквард хотел жениться. Отец считал союз позором и решил проблему так, как решают хозяйственный спор: младшему сыну Орден, семье — почёт, мельнику — забыть.

Герман отказался принимать кандидата против воли.

— Тогда верните дар! — потребовал отец.

— Если дар был платой за сына, это не дар.

Спор был громким. Марквард ушёл вместе с отцом. Через несколько недель пришёл один. Герман решил, что передумал. Нет. Он принёс письмо Анны. Она писала, что не хочет, чтобы он становился братом только потому, что боится отца, и не хочет, чтобы он женился только потому, что боится потерять её. Пусть выберет сам. Марквард выбрал дом. Свой прежний.

Перед отъездом оставил на столе Германа маленькую деревянную птицу, вырезанную грубо, с одним крылом чуть толще другого.

— Это что?

— Не знаю. Делал в детстве.

— Зачем мне?

Марквард пожал плечами.

— Чтобы помнили, что я мог остаться и не остался.

Птица осталась.

Наследство Ордена было не только в людях и бумагах. Однажды пришёл отчёт из европейского владения: зерна собрано меньше ожидаемого. Цифры не сходились.

Гернот сразу увидел.

— Или украли, или записали плохо.

Герман послал запрос. Ответ пришёл через месяцы. Управляющий не украл. Зима оказалась тяжёлой. Несколько семей на землях Ордена голодали. Он выдал зерно без разрешения, а потом побоялся записать помощь как помощь, потому что не имел полномочий.

Герман прочитал дважды.

— Наказать? — спросил Гернот.

— За ложную запись — да.

— А за зерно?

— Нет.

— Тогда следующий тоже раздаст.

— Пусть сначала запишет правду.

В отчёте сделали пометку: помощь семьям. Управляющему написали, что в голод он имеет право спасать людей, но обязан сообщать.

Герман объяснил братьям:

— Милосердие без счёта быстро останется без зерна. Счёт без милосердия оставит людей без жизни. Нам нужны оба.

Сибранд, услышав, пожал плечами.

— Наконец магистр говорит как госпиталь.

— Я всегда говорил.

— Нет. Раньше ты говорил как человек, который хочет, чтобы госпиталь пережил всех.

Герман посмотрел.

— А теперь?

— Теперь начинаешь понимать, зачем ему переживать.

В конце года пришло письмо из Венгрии. Не предложение. Пока только вопрос. Люди короля Андрея Второго интересовались, способен ли Немецкий орден принять постоянную военную службу на восточной границе королевства. Упоминалась Трансильвания. Куманы. Земля за Карпатами. Нужны люди, которые не придут на один поход и не уедут после первого мира. Герман перечитал.

Потом позвал Конрада, Генриха, Гернота, Сибранда.

— Что думаете?

Генрих спросил первым:

— Где именно?

— Не сказано.

— Тогда рано.

Гернот:

— Доходы?

— Не сказано.

Конрад:

— Кто имеет духовную власть?

— Не сказано.

Сибранд молчал.

Герман посмотрел.

— А ты?

— Почему королю нужны именно вы?

Сибранд попал в самое неприятное место рассуждения.

Герман улыбнулся.

— Я ждал.

— И второй.

— Какой?

— Кто отнимет землю, когда вы станете не нужны?

Герман взял чистый лист. Записал. После этого появились другие вопросы. Границы. Люди, которые уже живут на земле. Право строить крепости. Суд. Доходы. Десятина. Подчинение воеводе. Наследование королевской воли. Можно ли отозвать дар. Кто подтверждает.

К вечеру лист был заполнен.

— Ответим? — спросил Гернот.

— Да.

— Согласием?

Герман посмотрел на карту Европы, где Трансильвания была почти краем известного им политического мира.

— Вопросы.

Сибранд кивнул. Это ему понравилось. Пока.

ГЛАВА 18

МЕЖДУ СТАРШИМИ БРАТЬЯМИ

Тевтонский орден был молод, и это чувствовалось особенно сильно рядом с теми, кто успел состариться. Тамплиеры существовали уже почти век. Иоанниты — ещё дольше. Их дома, земли, корабли, привилегии и привычки занимали на Востоке столько места, что молодой немецкий Орден неизбежно учился, сравнивая себя с ними. Иногда сравнение было полезным. Чаще раздражало. В караване, который шёл из Акры в сторону внутренних владений христиан, немцам поручили заднюю часть — повозки, больных и отстающих.

Хартвиг воспринял как оскорбление.

— Тамплиеры впереди.

— Вижу, — ответил Герман.

— Мы с телегами.

— Тоже вижу.

— Значит, нас считают хуже.

Герман посмотрел на колесо ближайшей повозки.

— Если оно сломается, передняя колонна остановится. Попробуй считать себя человеком, которому доверили то, без чего остальные не дойдут.

Хартвиг не был убеждён. Но через несколько часов колесо действительно сломалось.

Повозка принадлежала купцу. На ней лежали тюки и сундук пожилой женщины, чей муж умер по дороге. Она вцепилась в сундук так, будто внутри находился сам покойник. Чтобы разгрузить повозку и поднять ось, требовалось что-то оставить. Купец первым предложил сундук.

Женщина сказала:

— Нет.

Одно слово. Без истерики. Герман спросил, что внутри. Одежда мужа. Несколько вещей. Книга. Ничего, что стоило бы столько, сколько занимало места.

Купец раздражённо объяснил:

— Мой товар стоит денег.

— Знаю.

— Тогда выбросим её вещи.

Герман посмотрел на женщину.

— Нет.

Вместо сундука сняли часть купеческого товара. Орден оплатил потерю из своих средств.

Хартвиг после спросил:

— Зачем?

— Потому что её сундук для рынка ничего не стоит. Для неё — всё.

— Значит, Орден теперь платит за чужие чувства?

— Иногда.

Гернот, узнав позже сумму, сказал:

— Тогда чувства надо учитывать в расходной книге.

Герман неожиданно согласился.

— Запиши как помощь в пути.

Сибранд, которому рассказали в Акре, сухо заметил:

— Вот и выяснили, сколько стоит милосердие.

Среди сопровождавших караван был Христиан. Кандидат уже не говорил о войне каждый день, но по-прежнему смотрел на храмовников с интересом, который скрывал плохо.

Один из молодых тамплиеров, Гийом из Шампани, заметил.

— Хочешь такой плащ?

Христиан покраснел.

— У нас свой.

— Пока нет. Ты кандидат.

— Будет.

— Тогда зачем смотришь?

Христиан не нашёл ответа. Позднее они разговорились. Гийом оказался не воплощением славы Храма, а человеком, который жаловался на плохую пищу, скучал по сестре и боялся, что после долгой службы перестанет помнить её лицо. Христиан впервые увидел старший Орден не как символ, а как совокупность людей.

Гийом спросил:

— Почему не к нам?

— Немецкий дом мой.

— Почему?

Христиан задумался.

— Там меня заставили мыть Бертольда.

Гийом рассмеялся.

— Убедительно.

Но Христиан говорил серьёзно.

В Акре иоанниты попросили несколько коек в немецком госпитале. Их собственные помещения были переполнены после вспышки болезни среди прибывших паломников. Герман согласился сразу. На следующий день среди больных оказался храмовник.

Сибранд осмотрел.

— Вот теперь все старшие братья у нас в постели.

Герман улыбнулся.

— Не радуйся.

— Я не радуюсь. Просто статус выравнивается быстро, когда у человека жар.

Тамплиер был старше большинства. Звали Гуго. На левой руке не хватало двух пальцев, ходил с лёгкой хромотой. Герман узнал его не сразу. Когда-то, много лет назад, этот человек уже лежал в Немецком доме после ранения и говорил Сибранду, что меч легко взять и трудно положить.

Теперь Гуго почти не изменился в голосе.

— Вы всё-таки стали рыцарями.

— Ты предупреждал.

— Никто никогда не слушает предупреждения, если они мешают интересному будущему.

Через несколько дней, когда жар спал, Герман спросил его о земле. Не о конкретной венгерской. Вообще.

Гуго долго молчал.

— Князь даёт землю, потому что ему нужны вы. Вы принимаете, потому что нужна земля.

Пока обе причины живы — договор крепок.

— А потом?

— Потом князь вспоминает, что земля была его, а Орден — что уже привык считать своей.

Герман записал мысль не дословно.

Гуго заметил.

— Ещё одно: фраза правителя «мне нужны вы» всегда содержит невысказанное «пока нужны».

— Сибранд говорит то же.

— Значит, умный.

— Не говори ему.

Внутри Ордена тем временем обсуждали не только Венгрию. Старшие братья требовали яснее определить, чем немецкая община отличается от тамплиеров и иоаннитов, кроме языка и цвета креста. Капитул получился тяжёлым. Хартвиг считал, что военная часть должна расти быстрее. Другие напоминали о госпитале.

Конрад говорил:

— Если мы станем копией Храма, только меньшей и немецкой, зачем вообще существовать отдельно?

— Потому что немцам нужен собственный дом, — возразили.

— Это начало, не смысл.

Герман слушал.

Потом сказал:

— Наше отличие не в том, чтобы меньше воевать или больше лечить. Мы должны оставаться способными делать оба дела там, где они нужны вместе.

Сибранд нахмурился.

— Опасная формула.

— Почему?

— Потому что ей можно оправдать всё.

— Тогда будем спрашивать зачем.

— Кто?

Герман улыбнулся.

— Ты.

После капитула Конрад нашёл Германа один.

— Ты хочешь большего.

— В каком смысле?

— Не делай вид.

Герман не ответил.

Конрад продолжил:

— Тебе мало сохранить то, что есть. Ты хочешь, чтобы Орден стал силой, с которой считаются.

— Да.

Прямой ответ удивил обоих.

— Почему?

— Потому что слабый Орден зависит от чужой доброй воли. Госпиталь без денег закрывается. Дом без права отнимают. Братьев без защиты обвиняют. Сила нужна, чтобы служение не исчезло от первого чужого решения.

— И ты уверен, что однажды сила не станет причиной сама для себя?

Герман помолчал.

— Нет.

Конрад кивнул.

— Хорошо.

Христиан в эти месяцы столкнулся с собственным выбором. В госпитале помогала местная христианка Мариам. Она говорила по-арабски, по-французски и немного по-немецки, который выучила от больных и братьев. Была старше Христиана на несколько лет и обращалась с ним как с человеком, которого ещё не следует принимать слишком серьёзно. Именно это ему нравилось. Он всё чаще искал работу там, где была она. Сибранд видел. Не вмешивался.

Однажды Христиан сам спросил Германа:

— Если принять обеты... жениться нельзя?

— Нет.

— Никогда?

— В этом и смысл слова.

Христиан нахмурился.

— А если человек ещё не уверен?

— Тогда не принимает.

— Всё так просто?

— Нет. Поэтому и не спешим.

Через несколько недель семья Мариам решила покинуть Акру и перебраться к родственникам. Христиан ничего ей не обещал. Она ему тоже.

На прощание сказала:

— Не выбирай Орден потому, что я уехала.

— Я не...

— Именно поэтому говорю сейчас.

Она ушла. Христиан остался кандидатом. И впервые перестал считать отсрочку обетов признаком недоверия к нему.

Венгерский вопрос тем временем стал конкретнее. Прибыл королевский человек. Он говорил о земле Бурза — Бурценланде — на юго-восточной окраине Трансильвании. Куманы

проходили через карпатские перевалы, тревожили королевство. Андрей Второй хотел не разовую дружину, а постоянную силу, которая поселится, укрепится и будет защищать.

Герман слушал.

— Границы?

Посланник назвал реки, леса, горные ориентиры.

— Кто там живёт?

— Земля пустынная.

Сибранд поднял глаза.

— Пустынная как?

Посланник не понял.

— пустующая земля.

— Я знаю слова, — ответил Сибранд. — Я спрашиваю людей.

Выяснилось: население редкое, но есть. Пастухи. Поселения. Саксонские колонисты в Трансильвании. Люди, чьи права не исчезают от того, что королевская грамота называет землю пустынной. Герман сделал пометку.

Обсуждение продолжалось несколько дней. Посланник перечислял предполагаемые привилегии. Земля. Доходы. Рынки. Суд. Освобождение от части местных повинностей. Возможность строить укрепления. Всё звучало щедро.

Сибранд после сказал:

— Ты слишком доволен.

— Предложение хорошее.

— Поэтому перечитай.

— Уже.

— Прочитай как человек, который хочет отказаться.

Герман посмотрел раздражённо. Потом действительно перечитал. Нашёл новые вопросы. Кто вводит Орден во владение? Кто обозначает границы? Кто имеет последнюю судебную власть? Что можно строить — дерево или камень? Что будет, если куманская угроза исчезнет?

Изменится ли отношение к правам?

— Лучше, — сказал Сибранд.

Герман спросил старшие ордена о собственном опыте земельных пожалований. Не официально. Тамплиер сказал: не принимайте крепость без источника воды. Иоаннит: не принимайте доход, который существует только на бумаге. Гуго добавил: не принимайте право, если не знаете, кто способен его отменить. Все советы были прозаическими. Именно поэтому ценными.

Перед окончательным ответом Герман собрал братьев.

— Я хочу принять, если условия будут подтверждены полностью.

Сибранд спросил:

— Почему?

— Потому что впервые нам предлагают задачу, где нужны все части Ордена одновременно. Военные братья. Госпиталь. Управление. Земля. Поселение. Строительство. Долгая служба, а не один поход.

— И власть.

— Да.

Герман не ушёл от слова.

Сибранд кивнул.

— Тогда не называй землю своей раньше, чем поймёшь, что именно вам дали.

Христиан узнал о возможной экспедиции вечером.

Нашёл Германа.

— Я хочу ехать.

— Ты ещё кандидат.

— Поэтому и хочу.

— Странная причина.

— Хочу увидеть, как строят дом с самого начала.

Герман посмотрел внимательнее. Не «хочу воевать».

Изменился.

— Если поедешь, плаща не будет только потому, что тебе хочется выглядеть братом в дороге.

— Знаю.

— Будешь работать как служащий и кандидат.

— Хорошо.

— И можешь вернуться, если поймёшь, что ошибся.

Христиан кивнул.

В дверях остановился.

— Магистр.

— Что?

— А если люди там спросят, кто мы?

Герман ответил:

— Не объясняй словами раньше, чем сможете показать делом.

ГЛАВА 19

ПРЕДЛОЖЕНИЕ КОРОЛЯ

Зимой на восточной границе Венгерского королевства снег не делал землю безопаснее. Он только показывал следы. Куманские отряды проходили быстро, выбирали дороги, где королевская дружина не успевала собраться, забирали скот и людей, уходили обратно к перевалам. Для двора Андрея Второго проблема была не в одной большой войне. Именно отсутствие решающей войны и делало положение тяжёлым. Победить один отряд можно. Закрывать границу навсегда — другое. На совете короля обсуждали гарнизоны, местную знать, новые поселения, укрепления. Всё требовало людей, которым придётся жить там постоянно. Один из советников назвал Немецкий орден. Андрей уже знал имя. Молодой. Меньше Храма и Госпиталя. Немецкий по составу и связям. Это могло быть недостатком. И преимуществом.

Слишком могущественный Орден трудно приглашать внутрь королевства. Молодой ещё можно связать условиями.

— Они попросят землю, — сказал один советник.

— Пусть.

— Суд.

— В пределах земли.

— Льготы.

— Если будут защищать.

— Крепости.

Андрей помолчал.

— Деревянные.

За несколько недель до этого совета на восточной границе сожгли небольшой двор, принадлежавший человеку, который не участвовал ни в одном большом походе. Его звали Иштван. Он держал лошадей, две коровы и несколько ульев. Когда королевские люди приехали после набега, от дома осталась часть стены, а от сарая — чёрные столбы. Иштван стоял возле них и отвечал на вопросы без почтения, которое обычно ждут от человека перед вооружёнными людьми.

— Сколько было нападавших?

— Достаточно.

— Откуда пришли?

Он показал на горы.

— Они большие.

Командир раздражённо спросил, почему соседи не дали предупреждение. Иштван ответил: дали. Всадника послали днём раньше. Он доехал до места, где не оказалось людей. Гарнизон был в другом походе. Дружина князя — у другого князя. Граница существовала на карте королевства, но в нужный вечер возле его дома её не было.

Когда донесение дошло до двора, Андрей Второй читал не только список потерь. Он спросил, сколько подобных дворов разорено за последние годы и сколько раз после ответного похода куманы возвращались другим путём. Числа оказались неприятнее громкого поражения: не катастрофа, которую можно отомстить одной победой, а постоянная утечка людей, скота, денег и доверия к королевской защите.

Один из советников предложил поставить больше королевских гарнизонов. Другой спросил, откуда взять людей, если каждый гарнизон должен получать хлеб, коней, смену и жалование. Третий сказал то, что потом окажется решающим: королю нужны не люди, которых каждый раз надо посылать на границу, а люди, для которых граница станет домом.

Именно после этого имя Немецкого ордена перестало быть случайным предложением. Андрей не видел в братьях будущих соперников. Видел решение конкретной задачи: постоянную вооружённую общину, которая умеет строить, принимать землю, жить с собственного хозяйства и не уезжать после одной кампании. Никакой злой умысел для будущего конфликта не требовался. Достаточно было того, что полезность Ордена и интерес короля совпадали не во всём, а только в главном вопросе сегодняшнего дня.

Решение выглядело разумным. Опасность заключалась именно в этом: ни одна сторона не собиралась совершать очевидную глупость.

В Акру прибыл окончательный текст пожалования. Герман не читал один. Конрад. Генрих из Швабии. Хартвиг. Сибранд. Королевский представитель сидел напротив. В грамоте сохранялось старое имя общины: братья Дома Святой Марии Немецкой в Иерусалиме. Герман задержался на строке.

Даже получая землю за Карпатами, Орден юридически оставался тем же домом, который родился возле Акры.

— Хорошо, — сказал Конрад.

— Что?

— Что начало не исчезает из названия.

Земля Бурза. Передавалась для поселения и защиты королевства от куманов. Границы описывались реками, лесами, горами. Королевский уполномоченный Фекете Юна должен был ввести братьев во владение и обозначить рубежи согласно установленному порядку.

Герман снова спросил:

— Люди?

Посланник вздохнул.

Видимо, вопрос уже надоел.

— Я говорил: земля малонаселённая.

— Это не «нет людей».

— Нет.

— Тогда в нашем отчёте так и будет.

Сибранд посмотрел с одобрением.

Пункт об укреплениях вызвал больше споров. Разрешались деревянные крепости и деревянные города.

Генрих первым заметил ограничение.

— Камень?

— Не указан.

— Значит, не разрешён.

Королевский посланник пожал плечами.

— Король даёт вам право укрепляться.

— Деревом.

— Да.

Сибранд сказал:

— Король хочет, чтобы вы были достаточно сильны для куманов и недостаточно сильны, чтобы забыть короля.

Посланник резко посмотрел.

— Это ваши слова.

— Конечно.

Герман вмешался:

— Запишем только то, что написано.

Дальше шли рынки, доходы, право собственного суда в определённых пределах, освобождение от части налогов и повинностей, право пользоваться угодьями и доходами земли. Гернот считал. Хартвиг думал о гарнизонах. Генрих — о дорогах. Конрад — о церковной стороне. Герман видел другое: впервые Орден получал не просто дом или поместье. Пространство, внутри которого должен был организовать жизнь. Эта мысль одновременно возбуждала и пугала.

Сибранд заметил.

— Ты опять читаешь слишком быстро.

— Я читаю третий раз.

— Тогда медленно хочешь слишком многого.

Вечером Герман сделал на отдельном листе одну строку: «Если исчезнет угроза — изменится ли отношение к нашим правам?» Потом вторую: «Что король считает службой, достаточной для сохранения пожалования?» В грамоте прямого ответа не было.

Приготовления начались до того, как последние копии документа высохли. Люди. Повозки. Плотницкий инструмент. Кузнечные принадлежности. Семена. Оружие. Лекарства. Ткань. Соль. Лошади.

Гернот составлял списки с выражением человека, который подозревал весь мир в неправильном учёте.

Гернот потребовал ещё одного писаря. Герман велел взять хорошего, за что немедленно получил сухое замечание о редкой точности распоряжения.

Генрих должен был идти в первой группе.

Герман сказал:

— Мне нужен человек, который умеет различать военную необходимость и желание выглядеть сильнее.

— Почему думаете, что это я?

— Потому что ты спросил.

Генрих не улыбнулся.

— Я поеду.

— Надолго?

Он посмотрел на море.

— Хочу увидеть. Не обещаю навсегда.

— И не нужно.

Христиан добился своего. Поедет кандидатом. Не рыцарем. Не братом.

Герман отдельно повторил:

— Не принимай обеты только ради белого плаща перед дорогой.

— Не буду.

— Если через месяц захочешь домой?

— Скажу.

— Если через месяц захочешь остаться?

— Тоже.

Бертольд пришёл сам.

После удара лошади он всё ещё двигался осторожнее, чем хотел признавать.

Бертольд объявил, что едет. Герман отказал: Сибранд не разрешает. Бертольд попытался напомнить, что лекарь не магистр, но Герман спокойно ответил, что именно поэтому и позволяет ему запрещать дорогу человеку с ещё не зажившими рёбрами.

— А когда можно?

Герман подумал.

— Если будет вторая группа и Сибранд скажет, что можешь.

Бертольд перевёл взгляд.

Сибранд вздохнул.

— Если не попытаешься выздороветь быстрее тела.

Это было почти разрешение.

Перед отъездом Бертольд дал Христиану хороший нож.

— Вернёшь.

— Если потеряю?

— Не возвращайся.

Христиан спрятал.

— Верну.

— Врёшь.

Герман не ехал. Это оказалось труднее признать, чем отправить других. У Ордена были дела в Акре, на Западе, в отношениях с Церковью. Магистр не мог бросить всё и отправиться строить первый забор только потому, что сам хотел увидеть новую землю.

Христиан был разочарован.

— Вы же всё начали.

— Именно поэтому не могу заниматься только этим.

— Тогда кто скажет, если Генрих ошибётся?

— Он сам. Потом ты. Потом письмо.

Христиан нахмурился.

— Медленно.

— Да.

Расстояние становилось главным врагом большого Ордена.

Перед дорогой Герман дал Генриху последнее поручение.

— Пиши не только о куманах.

— О чём?

— Люди. Земля. Кто уже живёт. Пастбища. Дороги. Что в грамоте не совпадает с действительностью. Особенно это.

— Почему особенно?

— Потому что совпадения никто не забывает. Несовпадения потом становятся конфликтами.

Группа вышла из Акры. Путь к Венгрии был долгим и составным: море, европейские дороги, королевские земли, Карпаты. На третий день после одной из стоянок Христиан потерял ложку.

Генрих обнаружил, когда тот пытался есть ножом.

— Где?

— Не знаю.

— Хорошее начало управления землёй.

— Я не управляю.

— Именно поэтому пока дам свою.

Христиан взял.

— Верну.

Генрих посмотрел.

— У вас в Акре этому учат всех?

ГЛАВА 20

ЗА КАРПАТАМИ

Горы появились не сразу. Сначала дорога просто становилась труднее. Дольше подъёмы. Уже долины. Больше леса. Меньше ощущения, что за следующим поворотом обязательно окажется ещё одно знакомое поселение. Потом на горизонте возникли тёмные линии.

Христиан долго смотрел.

— Карпаты?

Генрих не ответил сразу.

— Они.

Христиан ожидал почувствовать что-то великое. Вместо этого болела спина. Он устал. Лошадь под ним тоже. Один ремень снова натирал ногу. Именно так выглядело приближение к земле, о которой в Акре говорили месяцами.

Генрих вёл дорожную запись. Не хронику. Количество людей. Лошади. Потери. Расход зерна. Сломанные колёса. Где можно купить железо. Где нет воды. Какая дорога после дождя превращается в грязь. У него была лошадь, которую он называл «мерзавкой». Христиан сначала думал, что это шутка.

Потом увидел, как она кусает Генриха за плечо.

— Почему не сменить?

— Потому что она идёт.

— И кусается.

— У каждого свои недостатки.

Фекете Юна присоединился к ним уже в королевских землях. Исторический человек в грамоте выглядел именем. В жизни — сухим мужчиной среднего возраста, который говорил мало, знал дороги и не любил, когда кто-нибудь спорил с королевским описанием границы до того, как увидел её сам.

— Я введу вас во владение, — сказал он через переводчика.

— Хорошо, — ответил Генрих.

— Покажу рубежи согласно указаниям воеводы Михаила.

— Хорошо.

— Потом вы отвечаете сами.

Генрих посмотрел.

— Это особенно хорошо.

Фекете Юна не понял, была ли шутка.

Трансильвания оказалась многоязычной прежде, чем Христиан успел запомнить названия дорог. Латынь документа. Венгерская речь королевских людей. Немецкая у поселенцев. Другие языки местных жителей. Слова смешивались на рынках, у постоянных дворов, в спорах о цене. Человек, привыкший в Акре к языковой смеси, чувствовал себя не настолько потерянным.

ным, как мог бы европеец, никогда не покидавший одну область. Но даже акрского опыта не хватало.

В одном поселении они встретили Эберхарда. Немца, жившего в Трансильвании много лет.

Он был старше Генриха, широк в плечах и имел руки человека, который всю жизнь держал не меч, а инструмент.

— Куда? — спросил.

— Бурценланд.

— Зимой?

— До зимы далеко.

Эберхард посмотрел на небо.

— Здесь она приходит раньше, чем вы решите.

Он спросил о запасах, крыше будущих построек, зерне, количестве скота. Генрих отвечал.

Эберхард слушал.

— Земля хорошая.

— Говорят пустая.

Тот рассмеялся.

— В книгах пусто бывает чаще, чем на земле.

Христиан запомнил.

Переход через горы случился под дождём. Не красивым. Холодным. Дорога размокла. Одна повозка пошла боком и едва не потянула сундук с документами в поток. Христиан вместе с двумя людьми бросился удерживать. Сундук спасли.

Генрих посмотрел на него.

— Хорошо.

— Там грамоты.

— Именно. Потеряешь еду — купим. Потеряешь право на землю — попробуй купить снова.

Первый вид Бурценланда разрушил самое удобное слово королевской грамоты. Пустынная земля. Внизу был дым. Поля. Дома. Стада. Не город. Не густое население. Но люди.

Христиан смотрел долго.

— Это и есть пусто?

Фекете Юна ответил:

— Для королевской канцелярии — да.

Эберхард, сопровождавший их часть пути, усмехнулся.

— Я же говорил.

На первой стоянке местные предложили воду и хлеб.

Один брат сказал:

— Земля дана королём. Мы имеем право.

Генрих заплатил.

— За воду?

— За память.

— Что?

— Хлеб дешевле плохой памяти.

Больше не объяснял.

Фекете Юна показывал рубежи. Река. Лес. Горная линия.

Простой мир документа становился сложнее, когда рядом стоял пастух и говорил, что его стадо много лет идёт именно через участок, который теперь назван землёй Ордена.

— Пастбище теперь ваше? — спросил мужчина через переводчика.

Генрих ответил:

— Пока пользуйтесь как раньше.

— Пока?

Он уже ненавидел это слово.

— Пока мы не поймём все права.

Человек посмотрел недоверчиво. Но ушёл.

Первый лагерь был просто лагерем. Палатки. Костры. Ограда для животных. Никакой крепости. Ночью корова прорвалась и устроила погоню среди людей, которые приехали защищать королевство от куманов. Её поймал местный мальчик. Утром его отец принёс хлеб. Генрих записал расходы.

Христиан спросил:

— За корову тоже?

— Особенно.

Место под первую постоянную базу выбирали несколько дней. Военный хотел высоту. Хозяйственный человек — воду. Плотник — лес. Крестьянин — землю рядом. Купец — дорогу. Идеального места не было.

Генрих сказал:

— Значит, выберем такое, где недостатки можно пережить.

Это оказалось лучше поиска идеала.

Первый конфликт возник из-за деревьев. Братья начали рубить лес возле места будущей ограды. Пришли люди из соседнего поселения. Лесом пользовались давно. Не владели по королевской грамоте. Но брали дрова, пасли свиней, собирали то, что нужно для жизни.

Один молодой брат сказал:

— Земля наша.

Генрих резко посмотрел.

— Четыре дня.

— Что?

— Мы здесь четыре дня. Они живут дольше.

Рубку на участке остановили до выяснения. Дерево взяли дальше и компенсировали потерю там, где уже успели срубить.

Это вызвало недовольство внутри Ордена.

— Показываем слабость.

— Нет, — ответил Генрих. — Показываем, что различаем силу и глупость.

Он написал Герману первое большое письмо. «Земля не пустая. Люди пользуются пастбищами, лесом и дорогами по обычаям, которых нет в нашей грамоте. Если хотим остаться, нужно узнавать их до того, как превращать в спор. Воды достаточно не везде. Дороги хуже описаний. Место для укрепления есть. Здесь можно жить». Последнюю фразу написал после паузы. «Здесь можно остаться».

Письмо дошло до Германа далеко не сразу. Он читал в Акре между другими делами и чувствовал странную зависть к человеку, который видел землю своими глазами.

Гернот стоял рядом.

— Хочешь туда? — спросил Герман.

— Нет.

Ответ был слишком быстрым.

— Почему?

Гернот пожал плечами.

— Я всю жизнь возле моря. Не знаю. Горы не хочу.

Герман улыбнулся.

— Хорошо.

Сибранд, услышав, сказал:

— Наконец спрашиваешь человека, чего хочет он, а не только что нужно тебе.

Герман посмотрел.

— Я всегда спрашивал.

— Марквард бы поспорил?

— Его я отпустил.

— Именно.

Первый месяц на месте показал, насколько мало значили красивые слова «поселиться» и «защищать». Людей надо было разместить до дождей, лошадям — найти сухое место, зерно — поднять от земли, воду — проверить. Один колодец оказался плохим. Второй был далеко. Местные люди пользовались ручьём выше лагеря и не понимали, почему приезжие вдруг начали считать его удобной частью собственного устройства. Генрих велел сначала поговорить, а не ставить караул.

Разговор длился полдня. С одной стороны — переводчик, два старейшины из ближайшего поселения и человек, который считал, что участок ручья принадлежит его семье. С другой — братья, для которых вода была вопросом выживания всего отряда. В Акре Сибранд просто велел бы не закрывать больному доступ к бочке. Здесь не существовало общей бочки.

В конце договорились брать воду ниже того места, где местные поили скот, и не ставить ограду до самого берега. Взамен люди Ордена обещали помочь укрепить переход, который весной размывало. Христиан счёл соглашение мелким. Через неделю понял ошибку: если бы в первый день братья просто заняли ручей, каждый следующий разговор начинался бы уже с памяти об отнятой воде.

Потом пришёл первый настоящий холод. Ночью замёрзла вода в неглубоких сосудах. Два коня сорвались с привязи. Крыша над зерном протекла, потому что люди слишком торопились закончить. Бертольд, всё ещё далеко, получил письмо, состоявшее почти целиком из жалоб Христиана на дерево, гвозди, ветер и людей, которые уверяли, будто умеют строить.

Ответ пришёл поздно: «Теперь понимаешь, почему в госпитале я спрашивал, кто вернул инструмент?» Христиан выругался и убрал письмо в сундук.

Из местных первым начал приходить пожилой мужчина, который продавал молоко и каждый раз проверял, не подняли ли цену соли. Он не доверял братьям, но доверял счёту. Через него нашли плотника. Через плотника — человека с повозкой. Через повозку — место, где можно было купить сухое сено. Так новая земля входила в жизнь не через одну грамоту короля, а через цепь людей, каждый из которых соглашался только на одну конкретную вещь.

В Бурценланде тем временем появлялась первая ограда. Потом склад. Потом навес. Потом помещение для больных. Никто не объявил момент, когда лагерь стал поселением. Просто однажды Христиан проснулся и понял: сегодня утром палатки не собирают. Завтра тоже. Он написал Бертольду: «Нож не отдам». И ниже: «Приезжай весной, если Сибранд разрешит. Здесь всё приходится делать самому. Даже стены пока нет. Думаю, тебе понравится жаловаться».

К осени Христиан уже знал несколько местных имён. Его самого тоже знали. Не как брата — он всё ещё не принял обеты. Как высокого молодого немца, который плохо держит пилу, но платит за хлеб. Этого было достаточно для начала.

На первом снегу он стоял возле недостроенной ограды и смотрел на горы. Из Акры земля казалась политическим решением. Здесь — холодом, дымом, деревом и людьми. И впервые Христиан понял, что слова «получить землю» были неправильными. Землю ещё предстояло прожить.

ГЛАВА 21

ГРАНИЦА

Первый человек, который прибежал к ним за защитой, оказался ребёнком. Девочку звали Илона. Она появилась у ограды рано утром — без платка, в грязной одежде, с разбитыми коленями. Говорила так быстро, что Христиан не понял ни одного слова. Понял только страх. Нашли переводчика.

Вооружённые всадники напали на поселение в стороне от дороги. Отец Илоны велел ей бежать к людям с чёрным крестом.

— Сколько? — спросил Генрих.

Девочка не знала.

— Лошади?

Кивнула.

— Увели людей?

Заплакала. Ответа достаточно.

Генрих отправил десять человек. Не весь отряд. Не потому, что опасность казалась маленькой. Потому что никто ещё не знал, не является ли нападение приманкой. Маттиас пошёл разведчиком. Христиан — вместе с ним. Он уже умел держаться в седле после долгой дороги и перестал считать это достоинством. Илона осталась в лагере. Перед выездом схватила Христиана за рукав и что-то сказала.

Переводчик передал:

— Найдите отца.

Христиан ответил:

— Найдём.

Генрих резко посмотрел. Поздно. Обещание уже прозвучало.

На дороге он сказал:

— Никогда не обещаю человеку то, чего не можешь решить.

Христиан сжал губы.

— Что надо было сказать?

— Что постараемся.

— Для ребёнка это хуже.

— Для правды лучше.

В лесу нашли раненого. Местного.

Лежал у дерева, рука в крови, лицо серое. Маттиас первым заметил следы вокруг.

— Здесь прошли многие.

Через переводчика выяснили: нападавших больше двух десятков. Часть местных мужчин бросилась за ними сразу и едва не попала в засаду. Генрих, получив сообщение, подтянул ещё людей. К поселению пришли осторожно. Два человека были мертвы. Трое ранены. Несколько пропали. Скот увели. Дом горел уже почти без пламени, только дымился. Отец Илоны оказался жив. Рука рассечена. Когда Христиан увидел, впервые почувствовал облегчение от выполненного обещания, которого не имел права давать.

Местные требовали немедленного преследования.

Мартон, чей брат исчез, говорил громче других.

— Вы пришли защищать!

Генрих стоял перед человеком, который только что потерял родственника и, возможно, никогда его не увидит.

Легко было приказать седлать.

— Ночью не пойдём.

Мартон побледнел.

— Они уйдут!

— Они ждут, что мы пойдём.

— Откуда знаете?

— Не знаю. Поэтому не дам им выбрать место для нашего боя.

Мартон выругался. Христиан понимал его. И Генриха тоже. Это оказалось худшим.

Утром пошли по следу. Маттиас с местными двигался впереди. След уходил к горам. Потом разделился. Нашли брошенную вещь. Кровь на траве.

Ещё дальше разведчики вернулись.

— Двенадцать всадников. Трое пленных. Остальные ушли другой дорогой.

Генрих спросил:

— Место?

Объяснили. Не идеальное.

Но можно приблизиться скрытно.

— Пленных забираем. За остальными не гонимся.

Хартвиг, если бы был здесь, спорил бы. Христиан не стал.

Куманы увидели поздно. Короткий бой не походил на рыцарскую схватку, которую Христиан когда-то представлял. Стрелы. Движение. Лошади. Противник не хотел сходить там, где тяжёлый вооружённый человек получает преимущество. Они ударили и отходили. Часть попыталась увести пленных. Христиане прорвались к ним. Один конь упал. Два человека Ордена были ранены. Трех пленников удалось освободить. Остальные куманы ушли. Генрих запретил погоню. В этот раз никто не спорил долго.

На земле остался молодой куман. Стрела или удар повредили бедро. Он не мог сесть на лошадь. Один из местных бросился к нему с ножом. Христиан встал между. Не думал.

Просто сделал.

— Он их привёл! — кричал человек.

Переводчик не нужен.

Христиан ответил:

— Он пленный.

— Они убили наших!

— Знаю.

Генрих подошёл.

— Живого не трогать.

Спор закончился приказом.

Кумана перевязали. Он был примерно возраста Христиана. Это раздражало. Гораздо легче видеть во враге взрослого, уверенного человека, который осознанно выбрал твою смерть. Молодое лицо мешало. Через человека, немного понимавшего его речь, выяснили имя — Котян. Имя ничего Христиану не говорило. Обычный молодой всадник, не великий предводитель из будущих хроник. Он боялся. Старался не показывать. Христиан узнал это состояние.

Мартон нашёл среди освобождённых брата. Не сказал Генриху спасибо. Сначала просто обнял родственника.

Позднее пришёл.

— Вы правильно ждали.

Генрих ответил:

— Не знаю.

Мартон посмотрел.

— Но вернули.

— Сегодня — да.

Это было всё примирение.

Илона увидела отца и заплакала уже иначе. Через несколько дней принесла Христиану кусок ткани. На нём был вышит чёрный крест. Кривой. Неровный.

Он взял.

— Зачем?

Она показала на его одежду.

Переводчик сказал:

— Потому что вы пришли.

Христиан долго хранил этот крест среди вещей.

Пленного передали королевским людям. До этого Генрих записал обстоятельства. Не ради истории. Чтобы через месяц никто не мог сказать, что Орден казнил пленного, скрыл его или присвоил себе право решать судьбу человека, принадлежащую королевской власти.

Христиан спросил:

— Он вернётся к своим?

— Не знаю.

— А если вернётся и снова придёт?

— Тогда снова будем решать.

После рейда возник другой вопрос. Преследуя нападавших и спасая пленников, люди Ордена прошли дальше той линии, которую Генрих считал безопасной юридической границей пожалования. Военной границы там не существовало. Куманская группа могла остановиться за ручьём или перевалом и ждать. Грамота — оставалась позади. Генрих написал Герману подробно. «Для немедленного спасения людей приходится действовать за рубежом пожалования. Но если мы начнём делать это постоянно, сама оборона создаст необходимость контролировать землю дальше». Потом добавил: «Лучшее место для наблюдения находится за проходом. Пока не занимаю».

Ответ Германа был осторожным. Разрешать преследование за границей в случае непосредственной опасности и спасения пленных. Не превращать такие действия в постоянное владение. Каждый выход записывать. Новых укреплений за рубежом без отдельного решения не строить.

Сибранд, читавший черновик ответа, сказал:

— Если оборона потребует земли за пределами дара, сначала спроси короля.

— Знаю.

— А если откажет?

Герман поднял глаза.

— Тогда придётся решить, кого мы защищаем и на каком праве.

Сибранд кивнул. Ответ ему не понравился. И именно поэтому был честным.

Весной, осматривая проходы, Христиан сам показал на высоту дальше границы.

— Если поставить пост там, увидим движение раньше.

Генрих посмотрел на него.

— Началось.

— Что?

— Земля уже кажется тебе маленькой.

— Это военная необходимость.

— Большие ошибки редко начинаются с глупости.

После возвращения из того поселения Илона несколько дней жила возле ограды вместе с отцом и двумя младшими детьми из их двора. Дом не сгорел полностью, но возвращаться сразу они боялись. Христиан впервые увидел, как защита создаёт обязательство уже после того, как опасность прошла. Девочку можно было привести обратно. Семье всё равно нужно было где-то спать, кормить скот, чинить крышу и решать, не придут ли нападавшие снова.

Генрих выделил двух вооружённых для сопровождения людей домой. Один брат возразил: если Орден начнёт охранять каждую семью отдельно, людей не хватит даже на собственный лагерь. Генрих согласился. И всё равно отправил.

— Тогда зачем? — спросил Христиан.

— Потому что мы уже приняли их сегодня. Если завтра просто скажем «дальше сами», они запомнят не то, что мы спасли, а где перестали спасать.

На месте оказалось, что вооружённой защиты требуется меньше, чем топоров. Крыша была повреждена. Загон сломан. Из сарая унесли часть зерна. Братья помогли поставить стойки, а местные соседи пришли, когда увидели работу. К вечеру людей стало больше, чем нужно. Они спорили, кто должен чинить стену первым, но спорили уже возле дома, а не у ворот орденского лагеря.

Отец Илоны предложил заплатить. Генрих отказался от денег и попросил другое: если в горах увидят движение большого отряда, прислать человека сразу, даже если не знают, куманы это или чужая дружина. Мужчина согласился. Так из одного спасения возникла первая простая сеть предупреждения. Не договор с печатью. Несколько людей, которые теперь знали, куда бежать и кому передать слово.

Через месяц предупреждение действительно пришло. Оказалось ложным: по дороге шла дружина местного вельможи. Люди Ордена простояли полдня готовыми. Один рыцарь сердито сказал, что впредь за такие вести надо наказывать. Генрих спросил:

— Чтобы следующий человек молчал, пока не увидит стрелу у собственного дома?

Наказывать не стали. Христиан начал понимать, что граница держится не только башнями.

Иногда она держится человеком, который решает потратить коня и день, чтобы сообщить о том, чего сам не понимает.

Христиан нахмурился. Генрих не стал превращать разговор в проповедь. Просто записал место на карте. И не поставил башню. Пока.

ГЛАВА 22

СТЕНЫ

Первую стену они построили не от куманов. От ветра. После первой зимы никто уже не смеялся. Ветер находил щели, выдувал тепло, рвал плохо закреплённую кровлю. Дерево, взятое сырым, вело. Запасы приходилось переставлять. В одном месте снег намело внутрь склада.

Генрих стоял перед белой полосой на полу.

— Сначала научимся строить дом. Потом крепость.

Христиан возразил:

— Мы уже научились.

Генрих показал на снег.

— Конечно.

На следующий день Христиан перестилал крышу.

Весной пришла вторая группа. Христиан увидел белые плащи ещё с наблюдательного места и побежал вниз.

Маттиас крикнул:

— Если сломаешь шею, не понесу!

Впереди ехал Бертольд.

Худой после болезни и дороги, осторожный в движениях, но сам в седле.

— Ты приехал!

— Вижу.

— Как дорога?

— Плохая.

— Горы?

— Хуже.

— Тогда зачем?

Бертольд посмотрел на ограду, дым, лес и Христиана.

— Проверить, не врешь ли в письмах.

Они обнялись.

Бертольд сразу поморщился.

— Болит?

— Если произнесёшь имя Сибранда в первые десять минут, уеду обратно.

Вторая группа привезла самое нужное. Не много рыцарей. Инструмент. Пилы. Топоры. Железо. Гвозди. Соль. Плотников. И письмо Германа. Магистр напоминал: укрепляться в пределах пожалования и в рамках того, что разрешено. Дерево. Генрих задержался на слове.

Бертольд заметил.

— Что?

— Ничего.

— У вас с Христианом болезнь.

Дерево уже не казалось щедрым разрешением. Оно горело. Гнило. Требовало постоянной замены. Один столб после зимы пришлось вытаскивать полностью.

Христиан сказал:

— Камень.

Генрих посмотрел.

— Что написано в грамоте?

— Знаю.

— Тогда зачем?

— Просто сказал.

— Именно так обычно начинается.

Бертольд спросил:

— Король запретил камень?

— Разрешил дерево.

— Не одно и то же.

Генрих вздохнул.

— Вот поэтому ты займёшься складом, а не правом.

Место для серьёзного укрепления выбрали не самое высокое. Высота давала обзор. Но крепости нужна вода. Дорога. Поля. Лес. Люди рядом. Военная красота уступила хозяйственной необходимости. Местные называли место по-своему. Немецкие поселенцы — иначе. Среди братьев постепенно закрепилось имя, связанное со Святой Марией. Мариенбург.

Генрих сказал:

— Сначала построим. Потом называйте.

Название всё равно осталось раньше стен.

Руководил работой наёмный мастер Вольфрам.

Он не был братом и поэтому особенно легко объяснял рыцарям, что на стройке их происхождение не помогает.

— Почему рыцари плохие строители? — спросил Христиан.

— Сильные.

— И?

— Если дерево не входит, вы бьёте сильнее. Плотник сначала спрашивает почему.

Христиан рассмеялся.

— Сибранд в виде плотника.

— Кто?

— Неважно.

Один молодой рыцарь отказался тащить бревно.

— Я не слуга.

Генрих спросил:

— Кто?

— Рыцарь Ордена.

— Хорошо. Ордену нужна стена.

Бревно он всё-таки взял.

На стройке работали местные. За плату. Это тоже было решением. Можно было сослаться на права господина земли и потребовать повинность. Генрих предпочитал нанимать там, где не было ясного обычая. Христиан несколько дней работал в паре с молодым Ласло. Они почти не понимали языков друг друга и поэтому ругались жестами. На четвёртый день сломалась пила. Оба немедленно обвинили другого.

Вольфрам посмотрел.

— Железо плохое.

Они замолчали. Потом рассмеялись. Так началась дружба.

Первый серьёзный несчастный случай произошёл на башне. Не на большой высоте. Достаточной. Работник по имени Штефан сорвался и сломал ногу. Христиан оказался рядом. Вспомнил госпиталь. Не тянуть. Не пытаться выправить самому. Позвать человека, который умеет. Плохо закреплённую часть конструкции Генрих приказал разобрать полностью.

Вольфрам возразил:

— Можно усилить.

— Уверен?

Мастер помолчал.

— Нет.

— Тогда разобрать.

Несколько дней работы исчезли за час.

Потом возник вопрос, которого не было в грамоте. Кто будет кормить семью Штефана, пока он не работает?

Один брат сказал:

— Он получал плату за работу. Теперь не работает.

Генрих ответил:

— Потому что упал с нашей стены.

Решили содержать до восстановления. Старший сын хотел занять место отца. Четырнадцать лет. Генрих отказал в тяжёлой работе, но позволил помогать и получать меньшую плату. Штефан не хотел милостыни. Нашли середину. Письмо ушло Герману. Тот приказал сделать из случая правило: человек, пострадавший на работе Ордена, не должен оставлять семью без средств.

Сибранд сказал:

— Хорошее правило.

— Почему?

— Оно выросло из человека, а не из любви к правилам.

Бертольд не мог работать тяжело. Сначала бесился. Потом обнаружил, что хозяйственные записи тоже могут быть войной. Он изменил порядок учёта Гернота. Написал в Акру: «Передайте Герноту, что его порядок неудобен. Я исправил». Ответ пришёл через месяцы: «Передайте Бертольду, что если ещё раз изменит мой порядок без объяснения, я приеду и сломаю ему второе ребро». Сибранд приписал: «Не приедет. Боится гор». Гернот ниже: «Клевета». Письмо хранили несколько лет.

Первую могилу брата выкопали летом. Райнхард простудился зимой, потом вроде поправился, позже кашель вернулся. Умер в тёплый день, когда пахло свежей стружкой. Хоронили за будущей стеной.

Христиан стоял долго.

— Он хотел домой? — спросил Бертольда.

— Иногда говорил.

— Теперь?

Ответ не требовался. Вечером Христиан написал Герману: «Сегодня похоронили первого нашего брата здесь. Теперь труднее думать, что мы приехали на несколько лет. У нас уже есть мёртвый, который не уедет». Герман показал письмо Сибранду.

Тот прочитал.

— Вот теперь там дом.

— Ты говорил это раньше.

— Тогда ошибался. До могилы всегда проще уехать.

Стены поднимались. Деревянные. Башни. Ворота. Склад. Кузница. Часовня. Помещение для больных. Колодец начали поздно и сразу поняли ошибку: крепость без воды внутри — только ловушка с красивым забором. Когда дошли до воды, радовались сильнее, чем окончанию башни.

Христиан сказал:

— Вот это надо освятить.

Священник услышал.

— Можно.

Освятили.

Камень продолжал лежать рядом.

Вольфрам однажды сказал:

— Фундамент лучше сделать каменным.

Генрих посмотрел.

— Нельзя.

— Почему? Стена деревянная.

— А основание?

— Каменное.

— Вот.

— Это не каменная крепость.

— Ты строишь. Я потом объясняю королю.

Вопрос отправили Герману. Ответ был осторожным: не возводить каменных оборонительных стен без нового права; не превращать техническое решение в обход условия. Никто не был доволен. Значит, правило было достаточно честным.

К концу сезона Мариенбург уже был виден с дороги. Люди начали употреблять название без объяснений. Вот тогда оно стало настоящим.

Христиан однажды сказал новоприбывшему:

— Здесь весной нельзя ставить повозку. Вода.

Тот спросил:

— Откуда знаешь?

— Я здесь живу.

Фраза прозвучала сама.

Позже он рассказал Бертольду.

— И что?

— Не знаю.

— А где ты живёшь?

Христиан хотел сказать: в Ордене. Потом: в Акре.

Потом вспомнил дом детства.

— В нескольких местах.

Бертольд кивнул.

— Значит, стал взрослым.

Стена оставалась деревянной. Но привычка к месту уже становилась прочнее дерева.

ГЛАВА 23

БОЛЬШЕ, ЧЕМ БЫЛО ДАНО

Первым признаком успеха оказался шум. Возле ворот Мариенбурга утром стояли три повозки, которых вечером не было. Зерно. Семья с детьми. Ремесленные инструменты. Куры в клетке. Кто-то спорил о месте на рынке. Ребёнок плакал. Бертольд записывал имена.

Христиан спросил:

— Что происходит?

— Жизнь.

— Я серьёзно.

— Я тоже.

Спокойнее дорога — больше людей. Больше людей — больше торговли. Больше торговли — больше дохода. Доход позволял держать больше людей Ордена. Они делали дорогу ещё спокойнее. Круг работал. Генрих видел в этом и хорошее, и опасное.

Бертольд однажды показал записи.

— Если так продолжится, мы сможем содержать себя почти без Акры.

Генрих поднял глаза.

— Почти?

— Почти.

— Хорошее слово.

— Почему?

— Потому что не даёт забыть, что зависимость ещё есть.

Расстояние тем временем учило самостоятельности быстрее любых правил. Письмо к магистру шло долго. Ответ — ещё дольше. Если сломался мост, нельзя ждать решения несколько месяцев. Если соседнее поселение спорит о воде — тоже. Если появился вооружённый отряд за перевалом — тем более. Генрих написал Герману: «Здесь всё чаще приходится решать до ответа не потому, что мы хотим независимости, а потому что иначе жизнь останавливается». Герман ответил: «Текущие решения принимайте сами. В больших вопросах пишите. Если промедление угрожает людям — действуйте и потом объясняйте».

Бертольд прочитал.

— Что изменилось?

— То, что мы уже делали, теперь признано.

Христиан принял обеты не после боя. Зимой. Грязный снег во дворе, ветер, склад муки, Бертольд, недовольный недовесом мешков. Магистра не было. Это сначала казалось неправильным. Потом Христиан понял: Орден не может зависеть от присутствия одного человека даже в таком решении.

Перед обетом спросили:

— Добровольно?

Он вспомнил Маркварда.

— Да.

И впервые понял, почему Герман тогда отпустил того, кто сказал «нет». Без возможности уйти собственное «да» стоит меньше.

После службы Бертольд осмотрел белый плащ.

— Наконец.

— Завидуешь?

— Особенно тому, как будешь стирать.

Христиан показал на крест.

— Теперь настоящий.

Бертольд нахмурился.

— А тот, который Илона вышила, был какой?

Христиан замолчал.

— Не говори глупостей, — сказал Бертольд.

Первым заданием нового брата стала крыша.

За южным проходом продолжало существовать место, которое Генрих отметил на карте. Военно удобное. Юридически чужое.

Христиан снова смотрел.

— Если башня там, предупреждение придёт раньше.

— Да.

— Тогда почему не строить?

— Потому что нам не дали.

— Но оттуда приходят нападения.

— Это не делает землю нашей.

— Если из-за этого погибнут люди?

Генрих посмотрел.

— Вот вопрос, которым человек чаще всего оправдывает расширение собственной власти.

Не назидательно. Устало. Он сам хотел эту башню. Именно поэтому не строил.

Позже к ним приехал королевский чиновник Иштван. Осматривал владения. Не обвинял. Спрашивал. Сколько людей. Сколько укреплений. Доходы. Рынки. Патрули за пределами пожалования.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.